

Виктор Гюго

Лукреция Борджа

Оглавление

Предисловие
Действующие лица
Действие первое
Оскорбление за оскорблением
 Часть первая
 Часть вторая
Действие второе
Супружеская чета
 Часть первая
 Часть вторая
Действие третье
Вино и смерть
 Явление первое
 Явление второе
 Явление третье

Предисловие

Автор, как он и обещал в предисловии к предыдущей драме, вернулся к делу всей своей жизни – искусству. Он возобновил свои любимые занятия даже прежде, чем окончательно разделался с жалкими политическими противниками, которые отвлекли его от работы два месяца тому назад. К тому же выпустить в свет новую драму через полгода после драмы запрещенной – это тоже был способ сказать правительству правду в лицо. Это значило показать ему, что оно зря старается. Это значило доказать ему, что искусство и свобода могут возродиться за одну ночь наперекор грубой ступне, попирающей их. И он теперь рассчитывает в одно и то же время продолжать политическую борьбу, если в том будет надобность, и свой литературный труд. Можно выполнять свой долг и заниматься в то же время своим делом. Одно не мешает другому. У человека две руки.

«Король забавляется» и «Лукреция Борджа» не похожи ни по содержанию, ни по форме, и эти два произведения имели каждое столь различную судьбу, что одно из них явится, может быть, основной политической вехой, а другое – вехой литературной в жизни автора. Все же он считает нужным сказать, что эти две пьесы, столь различные по содержанию, по форме и по своей судьбе, тесно связаны в его сознании. Идея, вызвавшая к жизни драму «Король забавляется», и идея, породившая драму «Лукреция Борджа», возникли в одно и то же время, в том же самом сердце. В самом деле, в чем заключается заветная мысль, скрытая под тремя или четырьмя оболочками в драме «Король забавляется»? Вот она. Представьте *физическое* уродство, самое отвратительное, самое отталкивающее, самое полное; поместите его там, где оно будет выделяться всего сильнее, – на самой нижней, самой подземной, самой презируемой ступени общественного здания; осветите это жалкое существо со всех сторон зловещими лучами контрастов; а затем – дайте ему душу и вложите в эту душу самое чистое из человеческих чувств – отцовское чувство. Что произойдет? Это божественное чувство, разгоревшись в зависимости от определенных причин, преобразит на ваших глазах это униженное существо; до этого ничтожное, оно станет великим; до этого уродливое, оно станет прекрасным. Вот что такое, в сущности, «Король забавляется». Ну, а что такое «Лукреция Борджа»? Представьте *нравственное* уродство, самое отвратительное, самое отталкивающее, самое полное; поместите его там, где оно будет выделяться всего сильнее, – в сердце женщины, наделенной всеми дарами физической красоты и царственного величия, которые еще резче подчеркивают ее преступность, и прибавьте ко всему этому нравственному уродству чувство чистое, самое чистое, какое только женщина может испытывать, – материнское чувство. Чудовище сделайте матерью, – и чудовище возбудит участие, чудовище заставит плакать, и существо, вызывавшее страх, вызовет сострадание, и эта безобразная душа станет почти прекрасной в ваших глазах.

Итак, отцовство, освящающее физическое уродство, – это «Король забавляется»; материнство, очищающее нравственное уродство, – это «Лукреция Борджа». Если бы слово «биология» не было варварским новообразованием, то можно было бы сказать, что в сознании автора две эти пьесы представляют не что иное, как своего рода биологию, которая могла бы быть озаглавлена «Отец и мать». Не все ли равно, что они имели разную судьбу? Второй суждена была удача, первая же стала жертвой приговора без суда и следствия; идея, которая легла в основу первой, останется скрытой от многих глаз в силу целого множества предубеждений; идея, которая вызвала к жизни вторую, каждый вечер, если только мы не поддаемся какой-то иллюзии, встречает понимание и сочувствие со стороны умной и благожелательной публики. *Nabent sua fata!*¹ Но как бы ни обстояло дело с этими двумя пьесами, не имеющими, впрочем, других достоинств помимо того, что публике угодно было отнестись к ним со вниманием, они сестры-близнецы, они обе – и увенчанная успехом и

¹ Имеют свою судьбу (лат.).

отвергнутая – зачаты вместе, как Людовик XIV и Железная Маска²

Корнель и Мольер имели обыкновение обстоятельно отвечать на критику, вызванную их произведениями, и зрелище, отнюдь не лишенное любопытства, представляет для нас то, как эти два титана театра в своих «предисловиях» и «обращениях к читателю» стараются выпутаться из целой сети придирок, которою непрерывно оплетала их современная критика. Автор этой драмы не считает себя достойным следовать столь великим примерам. Он перед лицом критики будет молчать. Что подобает таким авторитетам, как Мольер и Корнель, не подобает другим. Впрочем, может быть, один только Корнель во всем мире и умеет оставаться великим и возвышенным в то самое время, когда заставляет какое-нибудь из своих предисловий склонять колени перед Скюдери.³ или Шапеленом⁴ Автор отнюдь не Корнель; те, с кем имеет дело автор, отнюдь не Шапелены или Скюдери. Критика, за несколькими единичными исключениями, была по отношению к нему честной и благосклонной.

Конечно, он мог бы ответить на целый ряд замечаний. Тех, кто находит, например, что Дженнаро слишком простодушно позволяет герцогу во втором действии отравить его, он мог бы спросить, почему Дженнаро, лицо, созданное воображением поэта, должен быть более правдоподобным и менее доверчивым, чем исторический Друз у Тацита,⁵ *ignarus et iuveniliter hauriens*,⁶ Тем, кто ставит ему в упрек, что он преувеличил преступления Лукреции Борджа, он сказал бы: «Почитайте Томази⁷ почитайте Гвиччардини,⁸ почитайте прежде всего *Diarium*».⁹ Тем, кто порицает его за то, что он принял на веру фантастические слухи, ходившие в народе насчет смерти мужей Лукреции, он ответил бы, что часто вымыслы народа составляют правду поэта, и, кроме того, он еще привел бы слова Тацита, историка, который в большей мере, нежели драматург, должен был бы проявить критическое отношение к правдивости фактов: «*Quamvis fabulosa et immania credebantur, atrociores semper fama erga dominantius exitus*».¹⁰ Он мог бы вдаваться в еще более обстоятельные объяснения и вместе с критикой рассмотреть по частям весь остов своей драмы; но ему приятнее благодарить за критику, чем возражать на нее, и, наконец, он предпочитает, чтобы ответы, которые он мог бы дать на замечания критиков, читатель нашел не в предисловии, а в самой драме, если только

² *...зачаты вместе, как Людовик XIV и Железная Маска.* – В начале царствования Людовика XIV в Бастилии содержался таинственный узник, носивший железную маску. Высказывалось предположение, что это был брат-близнец короля, притязавший на престол и за это обреченный Людовиком на пожизненное заточение.

³ **Скюдери Жорж** – второстепенный писатель и драматург XVIII в., безуспешно пытавшийся соперничать с молодым Корнелем.

⁴ **Шапелен Жан** (ум. в 1674 г.) – второстепенный французский поэт, высмеянный Буало и Вольтером.

⁵ *...менее доверчивым, чем исторический Друз у Тацита...* – Римский историк Тацит (I–II в.) рассказывает, что сын императора Тиберия Друз был отравлен в 23 г. н. э. своей женой Ливией.

⁶ Неопытный и по-юношески жадный (лат.).

⁷ **Томази** – итальянский писатель XVII в., автор книги «Жизнь Цезаря Борджа» (1671).

⁸ **Франческо Гвиччардини** (XVI в.) – итальянский историк, автор «Истории Италии» (опубликована посмертно), в которой он рассматривает исторические события как результат алчности и властолюбия отдельных лиц.

⁹ Дневник (лат.)

¹⁰ Хотя баснословные и чудовищные, они вызывают к себе доверие, так как молва о смерти владык всегда рассказывает нечто весьма ужасное (лат.).

они в ней действительно содержатся.

Ему извинят, что он отнюдь не настаивает на чисто эстетической стороне своего произведения. Есть целый круг иных, в его глазах не менее высоких идей, которые ему хотелось бы иметь возможность затронуть и углубить по поводу «Лукреции Борджа». С его точки зрения вопросы литературные представляют целый ряд вопросов общественных, и всякое произведение – это деяние. На эту тему он охотно высказался бы пространно, если бы время и место позволяли ему. Театр – мы не устанем это повторять – имеет в наши дни необыкновенное значение, которое возрастает непрерывно вместе с ростом самой цивилизации. Театр – это трибуна. Театр – это кафедра. Театр обладает голосом громким и властным. Когда Корнель говорит: «Что значит царский сан, когда так мало значишь?», Корнель – это Мирабо.¹¹ Когда Шекспир говорит: «To die, to sleep»,¹² Шекспир – это Боссюэ.

Автор этой драмы знает, какое важное и великое дело театр. Он знает, что драма, пусть и не выходя из границ беспристрастного искусства, выполняет миссию национальную, миссию общественную, миссию человеческую. Когда он видит, как каждый вечер этот умный и просвещенный народ, благодаря которому Париж стал средоточием прогресса, толпится перед занавесом, который через мгновение заставит подняться его мысль, мысль скромного поэта, он чувствует, как мало он значит перед лицом всего этого ожидания, полного любопытства; он чувствует, что его талант – ничто, а все должна решать его честность; он со всей строгостью и сознательностью задает себе вопрос о философском смысле своего произведения, ибо понимает свою ответственность и не хочет, чтобы эта толпа могла когда-нибудь потребовать от него отчета в том, что он преподавал ей.

Забота о человеческой душе – тоже дело поэта. Нельзя, чтобы толпа разошлась из театра и не унесла с собой какой-либо суровой и глубокой нравственной истины. И он, с божьей помощью, надеется, что и впредь (по крайней мере, пока не кончится то нелегкое время, в которое мы живем) он всегда будет развешивать на сцене зрелища поучительные и наставительные. Он всегда готов будет показать гроб среди пиршественного зала, капюшон монаха рядом с маской, дать услышать заубойные молитвы среди звуков оргии. Иной раз он выведет на самой авансцене разгул карнавала с песнями во все горло, но из глубины сцены он крикнет: *Memento quia pulvis es*.¹³

Он, конечно, знает, что искусство само по себе, искусство чистое, искусство в собственном смысле не требует всего этого от поэта, но он думает, что недостаточно – особенно на сцене – выполнять только требования искусства. А что до язв и бедствий человечества, то всякий раз, как он их выставит напоказ в драме, он постарается набросить на них покров утешающей и высокой мысли и тем смягчить их отвратительную наготу. Марьон Делорм он изобразит на сцене не иначе, как очистив куртизанку силою любви; уроду Трибуле он даст сердце отца; чудовищу Лукреции он даст природу матери. И благодаря этому он с ясной и спокойной совестью сможет смотреть на свое произведение. Драма, о которой он мечтает и которую пытается претворить в действительность, будет в состоянии касаться решительно всего, не загрязняясь от прикосновения. Пусть все будет проникнуто мыслью нравственной и сочувственной – и тогда не останется ничего уродливого или отталкивающего. С вещью самой отвратительной сочетайте религиозную мысль – и она станет чем-то святым и чистым. Соедините образ виселицы и образ бога – это будет крест.

¹¹ *Корнель – это Мирабо* . – Корнель назван здесь как представитель высокоидейного искусства. Мирабо (1749–1791) – один из видных деятелей начального этапа французской революции 1789 г.

¹² Умереть, уснуть («Гамлет») (англ.)

¹³ Помни о том, что ты прах (лат).

12 февраля 1833

Действующие лица

Донна Лукреция Борджа.

Дон Альфонсо д'Эсте.

Дженнаро.

Губетта.

Маффио Орсини.

Джеппо Ливеретто.

Дон Апостоло Газелла.

Асканио Петруччи.

Олоферно Вителлоццо.

Рустигелло.

Астольфо.

Княгиня Негрони.

Привратник.

Монахи.

Вельможи, пажи, стража.

Венеция и Феррара). – 15...

Действие первое Оскорбление за оскорблением

Часть первая

Терраса дворца Барбариго в Венеции. Ночное празднество. По сцене время от времени проходят маски. Дворец с обеих сторон террасы великолепно освещен; слышна духовая музыка. Терраса – вся в зелени, погружена в полумрак. На заднем плане, внизу террасы, находится канал Зуэцца, на котором иногда, выделяясь среди темноты, появляются гондолы с масками и музыкантами, слабо освещенные. Каждая из этих гондол проплывает в глубине сцены под музыку, то изящно игривую, то мрачную, постепенно затихающую в отдалении. Вдали видна Венеция в лунном свете.

Явление первое

Молодые люди, роскошно одетые, разговаривают на террасе, держа в руках маски. Губетта, Дженнаро, одетый по-военному, дон Апостоло Газелла, Маффио Орсини, Асканио Петруччи, Олоферно Вителлоццо, Джеппо Ливеретто.

Олоферно. В наши дни творится столько страшных дел, что и об этом случае уже не говорят; ню право же, не бывало происшествий более ужасного и более загадочного.

Асканио. Да, темное дело – и дело темных рук.

Джеппо. Как оно было, синьоры, это я знаю. Я это слышал от моего двоюродного брата – его высокопреосвященства кардинала Карриале, а он был осведомлен лучше, чем кто бы то ни было. Знаете, кардинал Карриале, у которого с кардиналом Риарио завязался этот знаменитый спор по поводу войны против Карла Восьмого Французского?¹⁴

¹⁴ ...спор по поводу войны против Карла Восьмого Французского. – В 1494 г. французский король Карл VIII с большим войском перешел Альпы, подчинил себе Северную и Среднюю Италию, затем проследовал через Рим и захватил Неаполь. Многие итальянские государи, в том числе римский папа, сначала думали использовать нашествие французов в своих личных целях. Но вскоре грабежи и бесчинства французских феодалов заставили

Дженнаро (*зевает*) . Ах, опять нам Джеппо рассказывает свои истории. Что до меня, то я не слушаю. Я и без того уже устал.

Маффио. Такие вещи не занимают тебя, Дженнаро, и это вполне понятно. Ты храбрый искатель приключений. Ты носишь имя, которое тебе случайно дали. Ты не знаешь ни отца своего, ни матери. По тому, как ты держишь шпагу, никто не усомнится, что ты дворянин, но о знатности твоего рода известно только одно – то, что ты дерешься как лев. Мы братья по оружию, и, клянусь, я не для того все это говорю, чтобы тебя обидеть. Ты спас мне жизнь под Римини, я спас тебе жизнь на мосту в Виченце. Мы поклялись помогать друг другу и в опасностях и в делах любви, мстить друг за друга, если надо будет, иметь только общих врагов. Астролог предсказал нам, что мы умрем в один день, и за предсказание мы дали ему десять золотых цехинов. Мы с тобой не друзья, мы – братья. Но ты можешь быть счастлив, что тебя зовут просто Дженнаро, что ты ни с чем не связан, что тебя не преследует рок, который часто по наследству тяготеет над знаменитыми именами. Ты счастлив! Не все ли тебе равно, что происходит, что произошло, – лишь бы достаточно было солдат, чтобы воевать, и женщин, чтобы наслаждаться. Что тебе – история семейств и городов, тебе, воспитаннику полка, у которого нет ни родного города, ни семьи? А для нас, Дженнаро, это все иначе. Мы вправе проявлять участие к страшным событиям нашего времени. Отцы наши и матери участвовали в этих трагедиях, и раны еще кровоточат в семьях почти у всех нас. – Расскажи нам, Джеппо, что тебе известно.

Дженнаро (*опускается в кресло и принимает такую позу, как будто собирается заснуть*) . Вы разбудите меня, когда Джеппо кончит рассказывать.

Джеппо. Так вот. В тысяча четыреста девяносто...

Губетта (*из глубины сцены*) . Девяносто седьмом.

Джеппо. Правильно – девяносто седьмом году, однажды в ночь со среды на четверг...

Губетта. Нет, со вторника на среду.

Джеппо. Вы правы. Так вот, в эту ночь некий лодочник на Тибре, лежавший в своей лодке, – он сторожил свои товары, – увидел нечто страшное. Произошло это на берегу реки, ниже церкви Сан-Джеронимо. Было, вероятно, часов пять утра. Лодочник в темноте увидел, как из улицы, что слева от церкви, вышли двое людей, словно не знавших, куда им направиться, и чем-то озабоченных; потом появились еще двое и наконец еще трое, всего семеро. Из них только один был верхом. Ночь была очень темная. В домах, что выходят на Тибр, одно только окно оставалось освещенным. Семеро приблизились к реке. Тот, который был верхом, повернул лошадь задом к Тибру, и тут лодочник отчетливо увидел, что с ее крупа в одну сторону свисают ноги и в другую – руки и голова. Это был труп мужчины. Пока их товарищи сторожили выходы из улиц, двое пеших сняли труп с лошади, с силой раскатали его и забросили на середину Тибра. В то мгновение, когда труп ударился о поверхность воды, всадник задал какой-то вопрос, и те двое ответили: «Да, монсиньор». Тогда всадник повернулся к Тибру и увидел что-то черное, плававшее на воде. Он спросил, что это. Ему ответили: «Монсиньор, это плащ покойного монсиньора». Один из них стал швырять камни в этот плащ, пока он не погрузился в воду. Когда все это было кончено, они отправились все вместе дорогой, что ведет к Сан-Джакомо. Вот что видел лодочник.

Маффио. Страшный случай! А человек, которого эти люди бросили в реку, был, наверно, важная особа? И какое, наверно, ужасное зрелище – убийца верхом на коне, а за его спиной – труп!

Губетта. На коне были два брата.

Джеппо. Вы не ошиблись, синьор де Бельверана. Мертвец – это был Джованни Борджа; всадник – Чезаре Борджа.¹⁵

итальянские княжества объединиться для борьбы с захватчиками и освободить от них Италию.

¹⁵ *Мертвец – это был Джованни Борджа; всадник – Чезаре Борджа.* – Согласно историческим источникам, Чезаре Борджа в 1497 г., стремясь завладеть землями и имуществом своего старшего брата Джованни, герцога Гандиа, приказал убить его во время пиршества и бросить его труп в Тибр. После этого он

Маффио. Эти Борджа – семейство демонов. Но скажите, Джеппо, за что же брат убил брата?

Джеппо. На ваш вопрос я не отвечу. Причина столь омерзительна, что даже и упоминать о ней, наверно, смертный грех.

Губетта. А я вам отвечу. Чезаре, кардинал Валенсии, убил Джованни, герцога Гандиа, из-за того, что оба брата любили одну и ту же женщину.

Маффио. Кто же была эта женщина?

Губетта (*по-прежнему в глубине сцены*) . Их сестра.

Джеппо. Довольно, синьор де Бельверана. Не произносите при нас имени этой женщины-чудовища. Нет у нас теперь такой семьи, которой бы она не нанесла глубокой раны.

Маффио. У нее, кажется, был ребенок?

Джеппо. Да, а отцом этого ребенка был Джованни Борджа.

Маффио. Теперь этот ребенок был бы уже взрослым.

Олоферно. Он исчез.

Джеппо. То ли Чезаре Борджа удалось похитить его у матери, то ли матери удалось похитить его у Чезаре Борджа – неизвестно.

Дон Апостоло. Если это мать прячет сына, то правильно делает. С тех пор как Чезаре Борджа, кардинал Валенсии, стал герцогом Валантинуа,¹⁶ он – вы это знаете – умертвил, кроме брата своего Джованни, еще двух племянников, сыновей Гифри Борджа, князя Сквилаччи, и своего двоюродного брата кардинала Франческо Борджа. У него просто страсть – убивать родственников.

Джеппо. Да, он, черт возьми, хочет остаться единственным Борджа и завладеть всеми богатствами папы!

Асканио. А эта сестра, которую вы, Джеппо, не хотите назвать, она как будто в то самое время ездила тайком в монастырь Святого Сикста и скрывалась там – по какой причине, непонятно.

Маффио. А как звали лодочника, который все это видел?

Губетта. Звали его Джорджо Скъявоне; он перевозил лес в Рипетту.

Маффио (*шепотом, Асканио*). Этот испанец знает о наших делах больше, чем мы, итальянцы.

Асканио (*шепотом*) . Мне тоже что-то подозрителен этот синьор де Бельверана. Но не будем углубляться; тут, может быть, таится какая-то опасность.

Джеппо. Ах, синьоры, синьоры! В какое время мы живем! И есть ли в нашей бедной Италии, где свирепствуют войны, чума и эти Борджа, есть ли хоть один такой человек, который на несколько дней вперед мог бы быть спокоен за свою жизнь?

Дон Апостоло. Ну, господа, поскольку мы еще живы, нам придется участвовать в посольстве, которое Венецианская республика отправляет к герцогу Феррары, – поздравить его с победой над Малатеста и с взятием Римини.¹⁷ Когда мы уезжаем в Феррару?

Олоферно. Должно быть, послезавтра. Знаете, оба посланника уже назначены – сенатор Тьополо и начальник галер Гримани.

Дон Апостоло. Будет с нами капитан Дженнаро?

Маффио. Разумеется! Дженнаро и я – мы никогда не расстаемся.

Асканио. Должен сообщить вам, синьоры, нечто важное: там без нас уже пьют

унаследовал владения брата и его герцогский титул.

¹⁶ *С тех пор как Чезаре Борджа... стал герцогом Валантинуа...* – Герцогство Валантинуа (с главным городом – Валанс, на юге Франции) было подарено Чезаре Борджа французским королем Людовиком XII в награду за некоторые политические услуги.

¹⁷ *...поздравить его с победой над Малатеста и с взятием Римини.* – Речь идет о междоусобных войнах мелких итальянских государств.

испанские вина.

Маффио. Так идем во дворец. Эй, Дженнаро! *(Обращаясь к Джеппо)* А он в самом деле заснул, пока вы рассказывали, Джеппо, вашу историю.

Джеппо. Пусть спит.

Все уходят, кроме Губетты.

Явление второе

Губетта, потом донна Лукреция; Дженнаро, спящий.

Губетта *(один)* . Да, я знаю больше, чем они; шепотом они признавались в этом друг другу. Я знаю больше, чем они, но синьора Лукреция знает больше, чем я, герцог Валантинуа знает больше, чем синьора Лукреция, дьявол знает больше, чем герцог Валантинуа, а папа Александр Шестой знает больше, чем дьявол. *(Смотрит на Дженнаро.)* Крепкий, однако, сон у молодежи!

Входит донна Лукреция в маске. Заметив спящего Дженнаро, она смотрит на него с восхищением и благоговением.

Донна Лукреция *(в сторону)* . Он спит! Его, наверно, утомил этот праздник! Как он хорош! *(Оборачивается.)* Губетта!

Губетта. Говорите потише, синьора. Здесь я не Губетта, а граф де Бельверана, кастильский дворянин; вы – госпожа маркиза де Понтеквадрато, дама из Неаполя. Мы не должны показывать и вида, будто знакомы. Ведь так вы приказали, ваша светлость. Вы здесь не у себя дома, вы – в Венеции.

Донна Лукреция. Вы правы, Губетта. Но здесь, на террасе, никого нет, кроме этого юноши, а он спит. Мы можем немного поговорить.

Губетта. Как угодно будет вашей светлости. Должен дать вам еще один совет – не снимайте маску. Вас могут узнать.

Донна Лукреция. А что мне до этого? Если они не знают, кто я, то мне бояться нечего; если же они знают, кто я, то страшно будет им.

Губетта. Мы в Венеции, синьора; у вас здесь немало врагов, и они тут на свободе. Венецианская республика, разумеется, не допустит покушения на жизнь вашей светлости, но вас могут оскорбить.

Донна Лукреция. Да, ты прав. Мое имя в самом деле внушает ужас.

Губетта. Здесь не одни венецианцы; есть тут приезжие из Рима, из Неаполя, из Романьи, из Ломбардии, итальянцы со всей Италии.

Донна Лукреция. И вся Италия ненавидит меня! Ты прав! Но это должно измениться. Я родилась на свет не затем, чтобы творить зло, – сейчас я это чувствую более, чем когда бы то ни было раньше. Меня соблазнил дурной пример моей семьи. – Губетта!

Губетта. Синьора?

Донна Лукреция. То, что я тебе сейчас прикажу, надо немедленно сообщить в Сполето.

Губетта. Приказывайте, синьора. У меня всегда наготове четыре оседланных мула и четыре курьера.

Донна Лукреция. Что сделали с Галеаццо Аччайоли?

Губетта. Он все еще в тюрьме – в ожидании, когда ваша светлость велит его повесить.

Донна Лукреция. А Гифри Буондельмонте?

Губетта. В темнице. Вы еще не дали приказания задушить его.

Донна Лукреция. А Манфреди де Курцола?

Губетта. Тоже еще не задушен.

Донна Лукреция. А Спадакаппа?

Губетта. Как вы приказали, яд ему дадут только в день пасхи – в святых дарах. Это будет через шесть недель – сейчас ведь карнавал.

Донна Лукреция. А Пьетро Капра?

Губетта. Пока что он еще епископ Пезары и канцлер, но не пройдет и месяца, как он превратится в горсть праха, ибо святейший отец наш папа арестовал его по вашей жалобе и держит его под надежной охраной в подземельях Ватикана.

Донна Лукреция. Губетта, скорее пиши святейшему отцу, что я прошу о помиловании Пьетро Капры! Губетта, пусть освободят Аччайоли! И Манфреди де Курцола пусть освободят! И Буондельмонте тоже! И Спадакаппу – тоже!

Губетта. Позвольте, позвольте, синьора! У меня дыхание перехватило! Что это за приказания я слышу от вас! Боже мой! Прощения сыплются градом! Помилования так и льются потоком! Я просто утопаю в этом океане милосердия! Мне прямо не выбраться из этой пучины добрых дел!

Донна Лукреция. Добрые дела или злые – не все ли тебе равно, если я плачу за них?

Губетта. Ах, доброе-то дело куда труднее, чем злое! И что же теперь станет со мной, с бедным Губеттой, если вы решили стать милосердной?

Донна Лукреция. Слушай, Губетта, ты ведь самый старый мой, самый преданный друг.

Губетта. Да, вот уже пятнадцать лет, как я имею честь быть вашим помощником.

Донна Лукреция. Ну так скажи, Губетта, старый мой друг, старый мой помощник, не начинаешь ли ты чувствовать потребность изменить твою жизнь? Не хочется ли тебе, чтобы нас с тобой благословляли так же часто, как до сих пор проклинали? Не устал ты от преступлений?

Губетта. Я вижу, что вы собираетесь стать самой добродетельной из высочайших особ в мире.

Донна Лукреция. Разве наша с тобой слава, страшная слава убийц и отравителей, еще не угнетает тебя, Губетта?

Губетта. Нисколько. Правда, когда я прохожу по улицам Сполето, я слышу, как какие-то грубияны бормочут кругом: «Гм! Вот идет Губетта, Губетта-Яд, Губетта-Кинжал, Губетта-Виселица» – ведь к моему имени они прицепили целый клубок самых язвительных прозвищ. Все это говорится, а если и не говорится, то можно прочесть по глазам. Но что мне до того? К моей дурной славе я привык, как папский солдат привык присутствовать на богослужении.

Донна Лукреция. Но разве ты не понимаешь, что все эти оскорбительные названия, которыми осыпают тебя, да и меня тоже, могут возбудить презрение и ненависть в таком сердце, в котором ты желал бы вызвать любовь? Или ты, Губетта, никого на свете не любишь?

Губетта. Хотелось бы мне знать, кого любите вы, синьора!

Донна Лукреция. Ты этого и не можешь знать. Но я буду с тобой откровенна. Не стану говорить тебе о моем отце, брате, муже, любовниках...

Губетта. Но ведь кого же еще можно любить?

Донна Лукреция. Есть иная любовь, Губетта.

Губетта. Ну вот еще! Или вы из любви к богу хотите стать добродетельной?

Донна Лукреция. Губетта! Губетта! А если я скажу тебе, что в Италии, в этой страшной, полной преступлений Италии, нашлось сердце благородное и чистое, сердце, полное высокой мужественной доблести, сердце ангела под панцирем воина, что мне, бедной женщине, внушающей ужас, ненавидимой, презираемой, прокливаемой людьми, осужденной небесами, что мне, несчастной всемогущей повелительнице, чья душа томится в смертной муке, мне, Губетта, остается одна надежда, одно прибежище, одна мысль – перед смертью заслужить в этом гордом и чистом сердце хоть малую долю нежности, хоть малую долю уважения, что у меня нет иной честолубивой мечты, как заставить когда-нибудь это сердце биться легко и радостно на моей груди, – поймешь ли ты тогда, Губетта, почему я тороплюсь искупить мое прошлое, смыть грязь с моего имени, стереть все пятна, что покрывают меня с головы до ног, а мерзкий и кровавый образ, в котором я представляюсь Италии, превратить в образ, овеянный славой, раскаянием и добродетелью?

Губетта. О боже мой, синьора, да вы сегодня, верно, встретились с каким-нибудь схимником?

Донна Лукреция. Не смейся. Уже давно у меня такие мысли – только я тебе не говорила. Человек, увлеченный потоком преступлений, не может остановиться, когда захочет. Два ангела – добрый и злой – боролись во мне, но мне кажется, что добрый ангел одержит верх.

Губетта. Если так – *te Deum laudamus, magnificat anima mea Dominum!*¹⁸ – Да знаете ли, синьора, что я вас больше не понимаю и что с некоторых пор вы стали загадкой для меня? Месяц тому назад вы, ваша светлость, объявляете, что отправляетесь в Сполето, прощаетесь с вашим супругом, его светлостью доном Альфонсо д'Эсте, который, впрочем, настолько мил, что влюблен в вас, как нежный голубок, а ревнив, как тигр; итак, ваша светлость покидает Феррару и тайком приезжаете в Венецию, почти без свиты, под именем какой-то неаполитанки, а я – под именем испанца. Прибыв в Венецию, вы, ваша светлость, расстаетесь со мной и приказываете не быть с вами знакомым; потом вы начинаете носиться по празднествам, концертам, балам и ужинам, пользуетесь карнавалом, чтобы нигде не появляться без маски, таитесь от взглядов, никем не узнаны, еле разговариваете со мной – и то только вечером, где-нибудь в дверях – и вот, в довершение всего этого маскарада, проповедь, с которой вы обращаетесь ко мне! Проповедь, обращенная ко мне! Разве это не поразительно, не чудесно? Вы преобразили ваше имя, преобразили ваш наряд, теперь вы преображаете и вашу душу! По чести говоря, этот карнавал заходит слишком далеко. Тут я теряюсь. В чем же причина такого поведения, ваша светлость?

Донна Лукреция (*хватая его за руку и подводя к спящему Дженнаро*) . Видишь этого юношу?

Губетта. Вижу не в первый раз и знаю: вы его преследуете с того дня, как приехали в Венецию и надели маску.

Донна Лукреция. Что ты о нем скажешь?

Губетта. Скажу, что этот юноша спит на скамье, но заснул бы стоя, наслушавшись назидательных и душеспасительных речей, которыми вы меня угощаете.

Донна Лукреция. Как по-твоему, он очень красив?

Губетта. Он был бы еще лучше, если б глаза у него не были закрыты. Лицо без глаз – что дворец без окон.

Донна Лукреция. Если бы ты знал, как я его люблю!

Губетта. Это уж дело дона Альфонсо, вашего царственного супруга.¹⁹ Должен, впрочем, предупредить вашу светлость, что вы попусту теряете время. Насколько мне известно, этот юноша страстно влюблен в одну прекрасную девушку по имени Фьямметта.

Донна Лукреция. А любит его девушка?

Губетта. Говорят, любит.

Донна Лукреция. Тем лучше! Я так хочу, чтоб он был счастлив!

Губетта. Вот странно – совсем не в ваших нравах. Я считал вас более ревливой.

Донна Лукреция (*глядя на Дженнаро*) . Какие благородные черты!

Губетта. Мне все кажется, он на кого-то похож...

Донна Лукреция. Не говори, на кого он похож... Оставь меня.

Губетта уходит. Лукреция словно в благоговейном восторге стоит перед Дженнаро и не замечает, как в глубине сцены появились двое в масках; они наблюдают за нею.

Донна Лукреция (*думая, что она одна*) . Так это он! Наконец-то я хоть минуту могу без страха глядеть на него! Нет, я не воображала его таким красавцем! Боже! Не дай мне испытать

¹⁸ Тебя, боже, славим, да возвеличит душа моя господа (лат.)

¹⁹ *Это уж дело дона Альфонсо, вашего царственного супруга.* – Лукреция Борджа была выдана замуж за феррарского герцога Альфонсо д'Эсте.

его ненависть и презрение, – ты ведь знаешь, в нем для меня все, что я люблю на земле! Я не смею снять маску, а надо вытереть слезы.

Снимает маску, чтобы вытереть глаза, Двое в масках тихо разговаривают, пока она целует руку спящего Дженнаро.

Первый. Довольно, я могу вернуться в Феррару. Я приехал в Венецию, только чтобы убедиться в ее неверности; того, что я видел, достаточно. Мое пребывание здесь не может больше продолжаться – пора в Феррару. Этот юноша – ее любовник. Как его имя, Рустигелло?

Второй. Его зовут Дженнаро. Он – наемный солдат, храбрец, без роду, без племени, и о происхождении его не известно ничего. Сейчас он – на службе Венецианской республики.

Первый. Устрой так, чтобы он приехал в Феррару.

Второй. Это, ваша светлость, устроится само собой. Он послезавтра вместе со своими друзьями отправляется в Феррару – они входят в состав посольства, возглавляемого сенаторами Тьополо и Гримани.

Первый. Хорошо. Все, что мне сообщали, оправдалось. Повторяю, я видел достаточно; мы можем вернуться.

Уходят.

Донна Лукреция (сложив руки и почти что став на колени перед Дженнаро). О боже мой! Пусть дано ему будет столько счастья, сколько горя выпало мне!

Целует Дженнаро в лоб; он мгновенно просыпается.

Дженнаро (хватая за руки Лукрецию, пришедшую в замешательство). Поцелуй!.. Женщина! Клянусь честью, синьора, если бы вы были королевой, а я поэтом, то это было бы точь-в-точь приключение Алена Шартье, французского стихотворца.²⁰ Но кто вы – я не знаю, а я – я только солдат.

Донна Лукреция. Пустите меня, синьор Дженнаро.

Дженнаро. О нет, синьора.

Донна Лукреция. Кто-то идет! (*Убегает; Дженнаро – за нею.*)

Явление третье

Джеппо, потом Маффио.

Джеппо (*входя с противоположной стороны*). Чье лицо я вижу? Да, это она! Эта женщина в Венеции! – Эй, Маффио!

Маффио (*входит*). Что такое?

Джеппо. Должен рассказать тебе о необыкновенной встрече. (*Говорит что-то на ухо Маффио.*)

Маффио. Ты в этом уверен?

Джеппо. Так, как уверен в том, что мы здесь во дворце Барбариго, а не во дворце Лаббиа.

Маффио. Она с Дженнаро вела нежный разговор?

Джеппо. Да, с Дженнаро.

Маффио. Надо вырвать из этой паутины брата моего Дженнаро.

Джеппо. Идем, предупредим друзей.

Уходят. Сцена ненадолго остается пустой; только время от времени в глубине под музыку проплывают гондолы. Дженнаро и донна Лукреция в маске возвращаются.

Явление четвертое

²⁰ ...точь-в-точь приключение Алена Шартье, французского стихотворца. – Намек на анекдот о придворном поэте короля Карла VII Алене Шартье (XV в.), которого будто бы однажды застала спящим в кресле и поцеловала жена дофина (будущего Людовика XI) Маргарита Шотландская.

Дженнаро, донна Лукреция.

Донна Лукреция. На этой террасе темно и безлюдно; здесь я могу снять маску. Я хочу, чтобы вы, Дженнаро, видели мое лицо. *(Снимает маску.)*

Дженнаро. Вы – красавица!

Донна Лукреция. Посмотри на меня, Дженнаро, и скажи, что я не внушаю тебе ужаса!

Дженнаро. Мне – внушаете ужас? Да что вы, синьора! Я, напротив, чувствую в глубине сердца, как что-то влечет меня к вам.

Донна Лукреция. Так тебе кажется, Дженнаро, что ты мог бы полюбить меня?

Дженнаро. Почему же нет? Но все же, синьора, я буду искренним и скажу, что есть женщина, которая мне дороже.

Донна Лукреция *(с улыбкой)* . Знаю, маленькая Фьямметта.

Дженнаро. Нет.

Донна Лукреция. Кто же это?

Дженнаро. Моя мать.

Донна Лукреция. Твоя мать! Твоя мать, о мой Дженнаро? Ты, не правда ли, очень любишь твою мать?

Дженнаро. А между тем я никогда не видел ее. Это вам, наверно, кажется удивительным? Но мне почему-то хочется открыться вам, Слушайте, я расскажу вам тайну, которую еще не рассказывал никому, даже моему брату по оружию – не рассказывал даже Маффио Орсини. Странно, что доверяешься так первому встречному, но у меня такое чувство, словно вы для меня не первая встреча. Я – солдат, не знающий своей семьи; я вырос в Калабрии в семье рыбака, сыном которого себя считал. В день, когда мне исполнилось шестнадцать лет, рыбак поведал мне, что он мне не отец. Вскоре за тем явился незнакомец: он посвятил меня в рыцари и уехал, не подняв забрала своего шлема. Еще через некоторое время какой-то человек, весь в черном, принес мне письмо. Я распечатал его. Мне писала моя мать – моя мать, которую я не знал, моя мать, которая представлялась мне доброй, нежной, милой, прекрасной – вот как вы! Моя мать, которую я обожал всей моей душой! Из этого письма, где не было названо ни одного имени, я узнал, что принадлежу к знатному и знаменитому роду и что мать моя очень несчастна. Бедная моя мать!

Донна Лукреция. Добрый Дженнаро!

Дженнаро. С того дня я стал искать счастья на войне: ведь если я чего-то стою по моему рождению, я должен стать чем-то и благодаря моей шпаге. Я всюду побывал в Италии. Но где бы я ни находился, в первый день каждого месяца ко мне является один и тот же гонец. Он вручает мне письмо от моей матери, получает от меня ответ и удаляется. Он мне ничего не говорит, и я не говорю ему ни слова: он глухонемой.

Донна Лукреция. Так ты ничего не знаешь о твоей семье?

Дженнаро. Я знаю, что у меня есть мать, что она несчастна, и я отдал бы мою жизнь, чтобы видеть ее слезы, отдал бы душу, чтобы видеть ее улыбку. Это все, что я знаю.

Донна Лукреция. Где же у тебя эти письма?

Дженнаро. Я храню их все здесь, на моей груди. Мы, люди военные, часто подставляем нашу грудь ударам шпаг, а письма матери – это надежная броня.

Донна Лукреция. Благородное сердце!

Дженнаро. Хотите посмотреть на ее почерк? Вот одно из ее писем. *(Вынимает одно из писем, спрятанных у него на груди, целует его и подает донне Лукреции.)* Прочитайте.

Донна Лукреция *(читает)* . «Не старайся, мой Дженнаро, узнать, кто я, пока не настанет день, который я назначу. Право же, я достойна сострадания. Меня окружают безжалостные родственники, которые убили бы тебя, как они убили твоего отца. Тайна твоего рождения, дитя мое, должна быть известна только мне одной. Если бы ты ее знал, ты не мог бы о ней молчать – столько в этом скорби и столько величия; молодость доверчива, и ты не ведаешь, как это известно мне, что за опасности обступают тебя со всех сторон. Бог весть, ты,

может быть, пошел бы им навстречу из безрассудной юной смелости, ты проговорился бы или дал угадать, кто ты, – и ты не прожил бы двух дней после того. Нет! Нет! Довольно с тебя и этого: знай, что у тебя есть мать, что она обожает тебя и днем и ночью охраняет твою жизнь. Мой Дженнаро, мой сын, ты – это все, что мне дорого на земле; сердце мое трепещет, когда я думаю о тебе». (*Останавливается, глотая слезы.*)

Дженнаро. С каким чувством вы это читаете! Кажется, будто вы не читаете, а говорите. О! Вы плачете! Вы – добрая, синьора, и я люблю вас за то, что вы плачете над письмом моей матери. (*Берет письмо, снова его целует и прячет на груди.*) Да вот вы видите – вокруг моей колыбели творились преступления. Бедная моя мать! Теперь, не правда ли, вам понятно, что меня мало занимают любовные интриги и истории, – я живу одной только мыслью, мыслью о моей матери! О! освободить мою мать! Служить ей, отомстить за нее, утешить ее – какое это счастье! О любви я подумаю потом! А все, что я делаю, – я делаю для того, чтобы быть достойным моей матери. Немало найдется наемных солдат, которые не очень-то разборчивы и готовы сражаться за дьявола, после того как они сражались за архангела Михаила; но я – я служу только правому делу; я хочу, чтобы пришел день, когда к ногам моей матери я смогу положить шпагу, чистую и безупречную, как шпага императора. Знаете, синьора, мне предлагали за большие деньги поступить на службу к этой мерзкой Лукреции Борджа. Я отказался...

Донна Лукреция. Дженнаро! Дженнаро! Пожалейте и злых людей! Вы ведь не знаете, что творится у них на душе.

Дженнаро. К безжалостным у меня нет жалости. Но не стоит говорить об этом, синьора. А теперь, когда я вам сказал, кто я такой, ответьте мне тем же – скажите и вы, кто вы такая.

Донна Лукреция. Женщина, которая любит вас, Дженнаро.

Дженнаро. А ваше имя?

Донна Лукреция. Не спрашивайте меня больше.

Факелы. Шумно входят Джеппо и Маффио. Донна Лукреция стремительно надевает снова маску.

Явление пятое

Те же, Маффио Орсини, Джеппо Ливеретто, Асканио Петруччи, Олоферно Вителлоццо, дон Апостола Газелла, вельможи, дамы, пажи с факелами.

Маффио (*держа факел*) . Хочешь знать, Дженнаро, кто эта женщина, с которой ты говоришь о любви?

Донна Лукреция (*надев маску, в сторону*) . О праведное небо!

Дженнаро. Все вы мои друзья, но, клянусь богом, – тот, кто дотронется до маски этой женщины, будет изрядный смельчак. Маска женщины священна так же, как лицо мужчины.

Маффио. Только для этого надо, чтобы и женщина была женщиной! Ее мы не хотим оскорблять – мы хотим лишь сказать ей, как нас зовут. (*Делая шаг в сторону Лукреции*) Синьора, я Маффио Орсини, брат герцога де Гравина, которого ваши сбиры задушили ночью, когда он спал.

Джеппо. Синьора, я Джеппо Ливеретто, племянник Ливеретто Вителли, которого по вашему приказу закололи в подземельях Ватикана.

Асканио. Синьора, я Асканио Петруччи, двоюродный брат Пандольфо Петруччи, властителя Съены, которого вы убили, чтобы вернее завладеть его городом.

Олоферно. Синьора, меня зовут Олоферно Вителлоццо, я племянник Яго д'Аппиани, которого вы отравили во время праздника, вероломно захватив его крепкий замок в Пьомбино.

Дон Апостола. Синьора, вы казнили на эшафоте дона Франческо Газелла, дядю вашего

третьего мужа, дона Альфонсо Арагонского,²¹ которого, по вашему приказанию, убили алебардами на лестнице собора святого Петра. Я дон Апостоло Газелла, двоюродный брат второго из них и сын первого.

Донна Лукреция. О боже!

Дженнаро. Кто эта женщина?

Маффio. А теперь, синьора, когда мы вам сказали, как нас зовут, хотите – мы вам скажем, как зовут вас?

Донна Лукреция. Нет, нет, синьоры, сжальтесь! Только не при нем!

Маффio (*снимая с нее маску*) . Скиньте маску, сударыня, – посмотрим, способны ли вы еще краснеть.

Дон Апостоло. Дженнаро, эта женщина, с которой ты говорил о любви, – отравительница и развратница.

Джеппо. Кровосмесительница во всех степенях родства. Она грешила с обоими своими братьями, и один убил другого из-за любви к ней.

Донна Лукреция. Пощадите!

Асканио. Грешила со своим отцом – папой римским!

Донна Лукреция. Сжальтесь!

Олоферно. Грешила бы и со своими детьми; но небо отказывает в них чудовищам!

Донна Лукреция. Довольно! Довольно!

Маффio. Хочешь знать ее имя, Дженнаро?

Донна Лукреция. Пощадите, синьоры, пощадите!

Маффio. Дженнаро, хочешь знать ее имя?

Донна Лукреция (*у ног Дженнаро*) . Не слушай их, мой Дженнаро!

Маффio (*протирая руку*) . Это – Лукреция Борджа!

Дженнаро (*отталкивая ее*) . О!

Все. Лукреция Борджа!

Она падает без чувств к ногам Дженнаро.

Часть вторая

Площадь в Ферраре. Направо – дворец с решетчатым балконом и низкой входной дверью. Под балконом – герб на большом каменном щите, внизу которого – надпись крупными и выпуклыми позолоченными буквами: «Borgia». Налево – маленький домик с дверью на площадь. На заднем плане – дома и колокольни.

Явление первое

Донна Лукреция, Губетта.

Донна Лукреция. Все ли готово для вечера, Губетта?

Губетта. Да, синьора.

Донна Лукреция. Они будут все впятером?

Губетта. Все впятером.

Донна Лукреция. Губетта, они меня жестоко оскорбили!

Губетта. Я при этом не был.

²¹ ...вашего третьего мужа, дона Альфонсо Арагонского... – Муж Лукреции Борджа, семнадцатилетний юноша Альфонсо, побочный сын неаполитанского короля из арагонской династии, был смертельно ранен наемными убийцами папы Александра VI на лестнице собора св. Петра в Риме. Политической причиной этого убийства был союз папы с французским королем Карлом VIII, требовавшим разрыва отношений с враждебным Карлу VIII Неаполем.

Донна Лукреция. Они были безжалостны!

Губетта. Они так, во весь голос, назвали ваше имя?

Донна Лукреция. Они его, Губетта, не назвали, они мне его швырнули в лицо!

Губетта. Так прямо, на балу?

Донна Лукреция. При Дженнаро!

Губетта. Если так, то с их стороны крайне легкомысленно покинуть Венецию и приехать в Феррару. Правда, им нельзя было поступить иначе – ведь сенат отправил их с посольством, которое прибыло сюда на прошлой неделе.

Донна Лукреция. О! Он ненавидит и презирает меня теперь, и тому виною – они. Ах, Губетта, я им отомщу!

Губетта. Рад слышать, наконец, разумное слово. Слава богу, вы бросили ваши человеколюбивые бредни! Я чувствую себя куда лучше с вашей светлостью, когда вы верны своей природе, как вот сейчас. Тут я по крайней мере знаю, как мне быть. Вот видите ли, синьора: озеро – это противоположность острова, башня – противоположность колодца, акведук – противоположность моста, а я имею честь быть противоположностью добродетельного человека.

Донна Лукреция. Дженнаро с ними. Смотри, чтобы с ним ничего не случилось.

Губетта. Если бы мы с вами сделались добрыми людьми, это было бы чудовищно.

Донна Лукреция. Повторяю тебе – смотри, чтобы с Дженнаро ничего не случилось.

Губетта. Будьте покойны.

Донна Лукреция. Мне все же очень бы хотелось увидеть его еще раз.

Губетта. Благодарение богу, ваша светлость видите его каждый день. Вы подкупили его слугу, чтобы он уговорил своего господина поселиться в этой вот лачуге против вашего балкона, и сквозь решетки вашего окна вы всякий день имеете несказанное счастье видеть, как приходит и уходит вышеупомянутый дворянин.

Донна Лукреция. Я хочу с ним говорить, Губетта.

Губетта. Ничего нет проще. Пошлите вашего мастера на все руки Астольфо сказать ему, в котором часу ваша светлость будете ждать его во дворце.

Донна Лукреция. Я так и сделаю, Губетта. Но пожелает ли он придти?

Губетта. Удадитесь, ваша светлость; он, кажется, сейчас пройдет под вашими окнами с этими сорванцами.

Донна Лукреция. Они по-прежнему принимают тебя за графа де Бельверана?

Губетта. Они меня считают испанцем с головы до пят. Я их лучший друг. Я беру у них деньги в долг.

Донна Лукреция. Деньги! А зачем?

Губетта. Да затем, чтобы их иметь. Впрочем, казаться нищим и держать дьявола за хвост – это в самом что ни на есть испанском духе.

Донна Лукреция *(в сторону)* . О боже, огради Дженнаро от несчастья!

Губетта. А по этому поводу, синьора, мне в голову пришла одна мысль.

Донна Лукреция. Что за мысль?

Губетта. Да та, что хвост у дьявола должен быть очень прочно приделан, привинчен, припаян к позвоночному хребту, чтобы устоять против великого множества людей, которые то и дело его дергают.

Донна Лукреция. Ты по всякому поводу шутишь, Губетта.

Губетта. Таков мой обычай.

Донна Лукреция. Они идут, кажется. – Ничего не забудь. *(Входит во дворец через маленькую дверь под балконом.)*

Явление второе

Губетта, один.

Губетта. Кто такой этот Дженнаро? И на какого черта он ей дался? Что и говорить – не знаю я всех тайн нашей красавицы, но тут мое любопытство возбуждено. На этот раз она, право же, не оказала мне доверия, так пусть не воображает, что я ей буду помогать; из истории с Дженнаро пусть выпутывается, как сумеет. И что за странная манера так любить, когда сама ты – дочь Родриго Борджа²² и Ваноццы, когда в жилах у тебя течет кровь куртизанки, смешанная с кровью папы! Синьора Лукреция предается платоническим чувствам! Ничему теперь не буду удивляться – пусть мне даже скажут, что папа Александр Шестой верит в бога! *(Смотрит в соседнюю улицу.)* Ну вот и наши юные безумцы с венецианского карнавала. Великолепная пришла им мысль – смертельно оскорбив герцогиню Феррарскую, приехать из свободного государства в Феррару! На их месте я, конечно, воздержался бы от участия в свите венецианского посольства. Но такова уж молодежь. В подлунном мире волчья пасть то самое место, куда они бросаются охотнее всего.

Входят молодые люди; сперва они не замечают Губетты, который, чтобы удобнее наблюдать, стоит у одного из столбов, поддерживающих балкон. Они разговаривают вполголоса, видимо встревоженные.

Явление третье

Губетта; Дженнаро, Маффио, Джеппо, Асканио, дон Апостоло, Олоферно.

Маффио *(тихо)*. Что бы вы ни говорили, господа, а не следовало ехать в Феррару после того, как мы в самое сердце поразили синьору Лукрецию Борджа.

Дон Апостоло. Что нам было делать? Сенат послал нас сюда. Разве есть возможность не подчиниться приказаниям всемогущего сената? Нас назначили, и надо было ехать. Я, однако, не закрываю глаза на то, что эта Лукреция и в самом деле опасный враг. Здесь она госпожа.

Джеппо. Что же она, Апостоло, может нам сделать, по-твоему? Разве мы не на службе у Венецианской республики? Разве мы не принадлежим к посольству? Ведь коснуться и волоса на голове у одного из нас – это значило бы объявить войну дожу,²³ а Феррара не очень-то любит меряться силами с Венецией.

Дженнаро *(задумчиво, в глубине сцены, не вмешиваясь в разговор)*. О моя мать! Моя мать! Кто мне скажет, как мне помочь моей несчастной матери?

Маффио. Можно тебя уложить в могилу, Джеппо, и при этом не коснуться волоса на твоей голове. Есть яды, с помощью которых Борджа устраивают свои дела бесшумно и незаметно и куда лучше, чем с помощью топора или кинжала. Вспомни, каким образом Александр Шестой отправил на тот свет султана Зизими, брата Баязета.²⁴

Олоферно. И сколько еще других!

Дон Апостоло. Что касается брата Баязета, его история – любопытная и довольно страшная. Папа внушил ему, что Карл Французский отравил его, когда они вместе ужинали; Зизими всему поверил и принял из прекрасных рук Лукреции Борджа противоядие, которое через два часа освободило Баязета от его брата.

²² ...сама ты – дочь Родриго Борджа... – Род Борджа происходил из испанских дворян. Александр VI до избрания его папою носил имя Родриго.

²³ ...объявить войну дожу... – Дож – выборный пожизненный правитель в купеческой республике Венеции.

²⁴ ...отправил на тот свет султана Зизими, брата Баязета. – Младший брат турецкого султана Баязида, или Баязета II (1481–1512), Джем (у Гюго – Зизими) после неудавшейся попытки отнять у брата престол бежал в Рим, ища покровительства у папы Александра VI, который, как утверждают, его отравил, будучи подкуплен Баязидом.

Джеппо. Видно, этот милейший турок плохо разбирался в политике.

Маффио. Да, у Борджа есть яды, которые убивают человека в один день или в один год, как заблагорассудится хозяевам. От этих проклятых ядов вино становится вкусней, и бутылку допиваешь с особым удовольствием. Думаешь, что пьян, а ты мертв. Или вдруг человек начинает чахнуть, кожа его сморщивается, глаза проваливаются, волосы седеют, зубы крошатся как стекло, попавшее в хлеб; он уже не ходит, а тащится, не дышит, а хрипит, не смеется, не спит, дрожит от холода на солнце в самый полдень; он еще юноша, а видом старик; некоторое время он еще томится в агонии и, наконец, умирает. И вот, когда он уже мертв, люди вспоминают, что полгода или год назад он выпил у Борджа стакан кипрского вина. *(Оборачивается.)* Да вот, господа, как раз перед вами Монтефельтро, вы его, может быть, знаете; он здешний житель, как раз с ним это и случилось. Вон он там, в конце площади. Посмотрите на него.

В глубине сцены, шатаясь, прихрамывая и опираясь на палку, проходит седой человек, очень худой, закутанный в плащ.

Асканио. Бедный Монтефельтро!

Дон Апостооло. Сколько ему лет?

Маффио. Двадцать девять – как мне.

Олоферно. Еще в прошлом году я его видел – он был здоровый и румяный, как вы.

Маффио. Три месяца тому назад он поужинал у нашего святейшего отца папы в его Бельведерском винограднике.

Асканио. Ужасно!

Маффио. О! Об этих ужинах у Борджа рассказывают неслыханные вещи!

Асканио. Там царит неистовый разврат, приправленный ядами.

Маффио. Смотрите, синьоры, как безлюдно вокруг нас на этой площади. Народ не решается подходить так близко к герцогскому дворцу; он боится, как бы яды, что день и ночь изготавливаются там, не проникли наружу сквозь стены.

Асканио. Ведь в сущности, синьоры, посланники имели уже вчера аудиенцию у герцога. Наша миссия почти окончена. В свите посланников пятьдесят человек. Наше отсутствие даже не будет замечено, и я считаю, что для нас благоразумно было бы покинуть Феррару.

Маффио. И нынче же!

Джеппо. Успеется и завтра, господа. Я приглашен сегодня вечером на ужин к княгине Негрони, а я в нее без памяти влюблен и не хотел бы дать повод думать, что убегая от самой красивой женщины Феррары.

Олоферно. Ты приглашен сегодня ужинать к княгине Негрони?

Джеппо. Да.

Олоферно. И я тоже.

Асканио. И я тоже.

Дон Апостооло. И я тоже.

Маффио. И я тоже.

Губетта *(показываясь из-за колонны)* . И я тоже, синьоры.

Джеппо. А-а! Вот и синьор де Бельверана. Ну что ж! Мы отправимся туда все вместе и весело проведем вечер. Здравствуйте, синьор де Бельверана.

Губетта. Дай вам бог долгие годы, синьор Джеппо!

Маффио *(шепотом, к Джеппо)* . Вы, Джеппо, наверно скажете, что я малодушен, но, если вы меня послушаетесь, лучше нам не ходить на этот ужин. Дворец Негрони примыкает к герцогскому дворцу, и я не очень-то доверяю любезностям синьора де Бельверана.

Джеппо *(шепотом)* . Вы с ума сошли, Маффио. Негрони – очаровательная женщина; говорю вам, что я в нее влюблен, – а Бельверана – славный человек. Я справлялся о нем и о его родне. Мой отец сражался вместе с его отцом при осаде Гренады в году тысяча четыреста восьмидесятом.

Маффио. Это еще не доказывает, что он сын того отца, с которым был знаком ваш

отец.

Джеппо. В вашей воле, Маффио, не идти на этот ужин.

Маффио. Если вы пойдете, пойду и я.

Джеппо. Коли так, хвала Юпитеру! – А ты, Дженнаро, разве не с нами нынче вечером?

Асканио. Неужели Негрони тебя не пригласила?

Дженнаро. Нет. Княгиня, видимо, сочла меня недостаточно знатным.

Маффио *(улыбаясь)* . В таком случае ты, мой брат, отправишься на какое-нибудь любовное свидание.

Джеппо. Кстати, расскажи-ка нам, что тебе говорила в тот вечер синьора Лукреция. Она от тебя как будто без ума. Уж она тебе верно всего наговорила. На балу она чувствовала себя свободно и воспользовалась счастливым случаем. Женщины маскируются только для того, чтобы смелей обнажать душу. Лицо – под маской, сердце – нараспашку.

Донна Лукреция, за минуту до этого вышедшая на балкон и приподнявшая решетку, слушает их разговор.

Маффио. Да ты и поселился как раз напротив ее балкона. Ах, Дженнаро, Дженнаро!

Дон Апостооло. А это, приятель, небезопасно: ведь почтенный герцог Феррары, как говорят, очень ревнует свою супругу.

Олоферно. Да ну, Дженнаро, признайся, далеко ли зашел твой роман с Лукрецией Борджа.

Дженнаро. Синьоры, если вы еще будете говорить со мной об этой ужасной женщине, придется пустить в ход шпаги!

Донна Лукреция *(на балконе; в сторону)* . Увы!

Маффио. Это шутки, Дженнаро, ничего больше. Но мне кажется, с тобою можно бы и говорить о ней, раз ты носишь ее цвета.

Дженнаро. Что ты хочешь сказать?

Маффио *(показывая на шарф, который надет на Дженнаро)* . А этот шарф?

Дженнаро. Мне его прислала Фьямметта.

Маффио. Так ты думаешь. Так велела тебе сказать Лукреция. Но это Лукреция собственными руками вышила его для тебя.

Дженнаро. Ты в этом уверен, Маффио? От кого ты это знаешь?

Маффио. От твоего слуги, который передал тебе шарф: Лукреция его подкупила.

Дженнаро. Проклятие! *(Сбрасывает с себя шарф, разрывает его и топчет ногами.)*

Донна Лукреция *(в сторону)* . Увы! *(Опускает решетку и уходит.)*

Маффио. Эта женщина все-таки хороша собой!

Джеппо. Да, но зловещий отпечаток лежит на ее красоте.

Маффио. Это золотой дукат с портретом Сатаны.

Дженнаро. О, будь проклята эта Лукреция Борджа! Вы говорите, эта женщина любит меня? Ну что ж, тем лучше! Пусть это будет ее наказанием. Она внушает мне отвращение. Да, она мне внушает отвращение. Знаешь, Маффио, ведь так бывает всегда: нельзя быть равнодушным к женщине, которая тебя любит. Ее надо или любить, или ненавидеть. А как любить такую? Чем больше женщина преследует нас, тем сильнее мы ее ненавидим. А эта женщина не оставляет меня в покое, одолевает, осаждает меня. Чем я мог заслужить любовь Лукреции Борджа? Разве это не позор, не бедствие? С той самой ночи, как вы во весь голос крикнули ее имя, мысль об этой гнусной женщине так ненавистна мне, что вы и представить себе не можете. Прежде Лукреция Борджа виделась мне только издали, на огромном расстоянии, словно страшный призрак, подымающийся над всей Италией, словно привидение, грозящее всем. Теперь это привидение – мое; оно приходит и садится у моего изголовья; оно любит меня и хочет лечь в мою постель. Клянусь моей матерью, это ужасно! Маффио, она убила синьора де Гравина, твоего брата, – ну что ж, я заменю его тебе, я отомщу ей за него! Вот он, ее гнусный дворец, дворец разврата, дворец предательства, дворец убийства, дворец прелюбодеяния, дворец кровосмесительства, дворец всех преступлений, дворец Лукреции Борджа! О! Если я и не могу наложить клеймо на лицо этой женщины, я наложу его хоть на

стену ее дворца! *(Становится на каменную скамью, находящуюся под балконом, и кинжалом вырывает первую букву имени Borgia, так что получается слово orgia.)*

Маффио. Что это он делает, черт возьми?

Джеппо. Буквой меньше в имени синьоры Лукреции – это, Дженнаро, головой меньше на твоих плечах.

Губетта. Вот, синьор Дженнаро, каламбур, из-за которого завтра полгорода потянут к ответу.

Дженнаро. Если будут искать виновного, я скрываться не стану.

Губетта *(в сторону)* . Этого бы я хотел! Синьора Лукреция оказалась бы в затруднении. Уже несколько минут двое людей, одетых в черное, ходят по площади и наблюдают.

Маффио. Синьоры, там какие-то подозрительные личности смотрят на нас с любопытством. По-моему, осторожнее нам будет разойтись. Не делай новых глупостей, брат Дженнаро.

Дженнаро. Будь спокоен, Маффио. Твою руку! Господа, желаю вам веселиться нынче ночью! *(Входит к себе.)*

Остальные расходятся.

Явление четвертое

Двое в черном.

Первый. Ты что это тут делаешь, Рустигелло?

Второй. Жду, чтобы ты ушел, Астольфо.

Первый. В самом деле?

Второй. А ты что тут делаешь, Астольфо?

Первый. Жду, чтобы ты ушел, Рустигелло.

Второй. Кого тебе нужно, Астольфо?

Первый. Мужчину, который только что вошел в тот дом. А тебе кого нужно?

Второй. Его же.

Первый. Дьявол!

Второй. А на что он тебе?

Первый. Чтобы отвести его к герцогине. А тебе?

Второй. Чтобы отвести его к герцогу.

Первый. Дьявол!

Второй. И что же его ждет у герцогини?

Первый. Наверно, любовь. А у герцога?

Второй. Должно быть, виселица.

Первый. Как быть? Не может он в одно и то же время быть и у герцогини и у герцога, наслаждаться любовью и висеть на виселице.

Второй. Вот дукат. Сыграем в орлянку – посмотрим, кому он достанется.

Первый. Так тому и быть.

Второй. Если проиграю, просто-напросто скажу герцогу, что не нашел птички в гнезде. Дела герцога меня мало касаются. *(Подбрасывает дукат.)*

Первый. Решетка.

Второй *(смотрит на упавшую монету)* . Орел.

Первый. Быть ему на виселице. Бери его. Прощай.

Второй. Прощай.

Когда первый удаляется, второй открывает дверь под балконом, входит и возвращается с четырьмя сбирами, с которыми идет к двери дома, куда вошел Дженнаро, затем стучит.

Действие второе Супружеская чета

Часть первая

Зала в герцогском дворце в Ферраре. Обои тисненой кожи с золотыми узорами. Великолепная мебель в итальянском вкусе конца XV века. Герцогское кресло красного бархата с вышитым гербом дома Эсте. Сбоку стол, крытый красным бархатом. В глубине большая дверь. Справа – маленькая дверь. Налево – другая малая дверь, замаскированная под обои. За этой дверью видно начало винтовой лестницы, уходящей под пол и освещенной длинным и узким решетчатым окном.

Явление первое

Дон Альфонсо в великолепном наряде, выдержанном в цветах дома Эсте. Рустигелло в костюме тех же цветов, но более скромном.

Рустигелло. Ваши приказания уже исполнены, ваша светлость. Что прикажете еще?

Дон Альфонсо. Возьми этот ключ. Ступай в галерею Нумы. Там сосчитаешь все резные рамы, начиная с фигуры, что стоит у двери и изображает Геркулеса, сына Юпитера, одного из моих предков.²⁵ Как дойдешь до двадцать третьей рамы, увидишь маленькое отверстие, скрытое в пасти позолоченного дракона, а это – миланский дракон. Рама эта сделана по желанию Людовика Моро. Вставь ключ в это отверстие. Рама повернется на петлях, как дверь. В потайном шкафу ты увидишь хрустальный поднос и на нем два графина – золотой и серебряный, и еще две эмалевые чаши. В серебряном графине – чистая вода. В золотом графине – вино, особым образом приготовленное. Ты, Рустигелло, ничего не переставляя на подносе, принесешь все это в соседнюю комнату, и ежели ты слышал, как у людей зубы стучали от страха, когда они рассказывали про знаменитый яд Борджа, порошок белый и блестящий, словно мрамор Каррары, и способный превратить роморантенское вино в сиракузское, ты, конечно, не дотронешься до золотого графина.

Рустигелло. Можно мне идти, ваша светлость?

Дон Альфонсо. погоди. Потом ты возьмешь твою лучшую шпагу и станешь за этой дверью так, чтобы слышать все, что тут будет говориться, и войти по первому же знаку – я позвоню в серебряный колокольчик, а ты знаешь его звук. *(Показывает на колокольчик, стоящий на столе.)* Если я просто позову: «Рустигелло!», ты придешь с подносом. Если я подам знак колокольчиком, ты войдешь со шпагой.

Рустигелло. Будет исполнено, ваша светлость.

Дон Альфонсо. Ты заранее обнажишь шпагу, чтобы потом не терять времени – вытаскивать ее из ножен.

Рустигелло. Слушаюсь.

Дон Альфонсо. Возьми, Рустигелло, две шпаги. Одна может сломаться.

Рустигелло уходит через малую дверь. В среднюю дверь входит слуга.

Слуга. Ее светлость желает говорить с вашей светлостью.

Дон Альфонсо. Пусть войдет.

²⁵ *Ступай в галерею Нумы... изображает Геркулеса, сына Юпитера, одного из моих предков.* – Нума Помпилий – легендарный римский царь древнейшей эпохи. Стремление, опираясь на античную традицию, обожествлять свой род (происхождение от бога Юпитера и героя Геркулеса) было характерно для итальянских князей периода позднего Возрождения.

Явление второе

Дон Альфонсо, донна Лукреция.

Донна Лукреция (*входит стремительно*). Синьор, это же недостойно, возмутительно, гнусно. Кто-то из ваших подданных – знаете ли вы об этом, дон Альфонсо? – обезобразил имя вашей супруги под ее родовым гербом. И где же? – На фасаде вашего собственного дворца. Это сделали среди бела дня, открыто! Кто это сделал? Не знаю, но это и дерзость и безумие. Мое имя обещено, и жители вашей Феррары – этот самый гнусный во всей Италии народ – теперь издеваются над моим гербом, столпившись у дворца, как у позорного столба. Неужели вы думаете, дон Альфонсо, что я с этим примирюсь и не предпочту умереть от одного удара кинжала, чем тысячи раз умирать от отравленных стрел насмешки и острословия? Право же, синьор, странно со мной обращаются в ваших феррарских владениях! Мне это начинает надоедать, а вы, на мой взгляд, что-то слишком уж приветливы и спокойны в то самое время, как доброе имя вашей супруги по всему городу забрызгивают грязью, как его нещадно терзают оскорбления и клевета. Я хочу полнейшего удовлетворения, синьор герцог, предупреждаю вас. Придется вам снарядить суд. То, что случилось, не пустяк, уверяю вас. Или вы, чего доброго, думаете, что я ничьим уважением не дорожу и что муж мой не обязан защищать меня? Нет, нет, ваша светлость, кто женится, тот и охраняет, кто дает руку, тот и поддерживает. Я на это рассчитываю. Каждый день приносит мне новые оскорбления, а вас, как я вижу, это нисколько не волнует. Или грязь, которой обливают меня, не обрызгивает и вас, дон Альфонсо? Ну, ради бога, рассердитесь хоть немножко – посмотреть бы мне раз в жизни, как вы негодуете из-за меня! Вы говорите иногда, что в меня влюблены? Так пусть вам будет дорога моя честь. Вы ревнуете? Будьте ревнивы и к моему доброму имени! Если я моим приданым удвоила ваши владения, если я принесла вам не только золотую розу и благословение святого отца, но и нечто большее – Сьену, Римини, Чезену, Сполето и Пьомбино, больше городов, чем у вас было замков, и больше герцогств, чем у вас было баронств, – если я сделала вас самым могущественным властелином в Италии, так это, синьор, вовсе не основание, чтобы вы позволяли вашему народу издеваться надо мной, глумиться и оскорблять, чтобы вы перед лицом всей Европы позволяли вашей Ферраре пальцем показывать на вашу жену, всеми презираемую, поставленную ниже, чем какая-нибудь служанка ваших конюхов или их слуг! Это, повторяю я, не основание для того, чтобы ваши подданные всякий раз, как я прохожу среди них, непременно говорили: «Ах, эта женщина...» Так вот, объявляю вам, синьор, – я требую, чтобы преступление, совершенное сегодня, было раскрыто и строго наказано, – иначе я пожалуюсь папе, пожалуюсь герцогу Валантинуа, что стоит сейчас у Форли с войском в пятнадцать тысяч. Рассудите же, стоит ли вам взять на себя труд подняться с кресла.

Дон Альфонсо. Синьора, преступление, о котором вы говорите, мне известно.

Донна Лукреция. Как! Преступление вам известно, а преступник не открыт!

Дон Альфонсо. Преступник открыт.

Донна Лукреция. Хвала господу! Но если он открыт, каким же образом он не схвачен?

Дон Альфонсо. Он схвачен, синьора.

Донна Лукреция. Но если он схвачен, как же он еще не наказан?

Дон Альфонсо. Он еще будет наказан. Я хотел знать ваше мнение насчет наказания.

Донна Лукреция. Это вы правильно решили. Где он?

Дон Альфонсо. Здесь.

Донна Лукреция. Ах, здесь? Я хочу, чтобы наказание было примерным, – понимаете, синьор? Ведь это же оскорбление величества. За такие преступления отсекают голову, что замыслила их, и руку, что их исполнила! – Ах, так он здесь! Хочу на него посмотреть.

Дон Альфонсо. Это нетрудно. (*Зовет*) Батиста!

Входит слуга.

Донна Лукреция. Одно только слово, ваша светлость, пока еще не ввели преступника.

Кто бы ни был этот человек, – пусть он ваш земляк или даже родственник, – дайте мне ваше слово, дон Альфонсо, слово герцога, носящего корону, что он не выйдет отсюда живым.

Дон Альфонсо. Даю вам это слово. Слышите, синьора, – я даю вам слово!

Донна Лукреция. Конечно, слышу. Очень хорошо. Привести его сюда. Я сама допрошу его! О боже мой! Что я сделала всем этим феррарцам, которые так преследуют меня?

Дон Альфонсо (слуге). Пусть введут преступника.

Дверь в глубине открывается. Появляется Дженнаро, безоружный, между двух стражей. В ту же минуту видно, как по лестнице налево, за дверью, скрытой под обоями, появляется Рустигелло; в руках у него поднос с двумя графинами – золотым и серебряным – и двумя кубками. Он ставит поднос на подоконник, вынимает шагу и становится за дверью.

Явление третье

Те же и Дженнаро.

Донна Лукреция (в сторону). Дженнаро!

Дон Альфонсо (подходя к ней с улыбкой, шепотом). Разве вы его знаете?

Донна Лукреция (в сторону). Это Дженнаро! Боже, какой злой рок! *(С тоскою смотрит на него.)*

Дженнаро отворачивается.

Дженнаро. Ваша светлость, я простой солдат и со всей почтительностью позволю себе обратиться к вам с вопросом. По приказу вашей светлости меня схватили нынче утром в доме, где я остановился. Что вашей светлости угодно от меня?

Дон Альфонсо. Нынче утром, синьор капитан, против дома, в котором вы живете, было совершено преступление, состоящее в оскорблении величества. Имя возлюбленной супруги нашей и двоюродной сестры донны Лукреции Борджа наглým образом изуродовано на стене нашего герцогского дворца. Мы ищем виновника.

Донна Лукреция. Это не он! Тут ошибка, дон Альфонсо. Этот юноша ни при чем!

Дон Альфонсо. Откуда вам это известно?

Донна Лукреция. Я в том уверена. Этот юноша – из Венеции, а не житель Феррары. Таким образом...

Дон Альфонсо. Что же это доказывает?

Донна Лукреция. Дело это было сегодня утром, а мне известно, что утро он провел у некоей Фьямметты.

Дженнаро. Нет, синьора.

Дон Альфонсо. Вот видите, ваша светлость, вы плохо осведомлены. Дайте я сам его спрошу. Скажите, капитан Дженнаро, это вы совершили преступление?

Донна Лукреция (в полном смятении). Какая здесь духота! Просто задохнешься! Воздуха! Мне надо воздуха! *(Идет к окну и, проходя мимо Дженнаро, быстро говорит ему шепотом.)* Скажи, что это не ты!

Дон Альфонсо (в сторону). Она ему что-то шепнула.

Дженнаро. Дон Альфонсо, калабрийские рыбаки, воспитавшие меня и с самого детства купавшие в море, чтобы я рос сильным и смелым, внушили мне правило, следуя которому часто рискуешь жизнью, но честью – никогда: «Делай то, что говоришь; говори то, что делаешь». Герцог Альфонсо, я тот, кого вы ищете.

Дон Альфонсо (оборачиваясь к донне Лукреции). Я дал вам слово, синьора, слово герцога.

Донна Лукреция. Я должна сказать вам два слова наедине.

Герцог делает слуге и стражам знак – удалиться с арестованным в соседнюю комнату.

Явление четвертое

Донна Лукреция, дон Альфонсо.

Дон Альфонсо. Что вам угодно, синьора?

Донна Лукреция. Мне угодно, дон Альфонсо, чтобы этот юноша не погиб.

Дон Альфонсо. Всего несколько минут тому назад вы влетели сюда, как буря, в гневе и в слезах; вы жаловались мне на оскорбление, которое вам нанесли, вы с бранью, с криком требовали головы преступника, вы хотели получить от меня слово, что он не выйдет отсюда живым, и я вам честно дал свое герцогское слово, а теперь вы не хотите, чтобы он погиб! – Клянусь богом, это ново для меня.

Донна Лукреция. Я не хочу, синьор герцог, чтобы этот юноша погиб!

Дон Альфонсо. Синьора, люди моей породы и моего склада не имеют обыкновения оставлять свои обещания невыполненными. Я дал вам слово, – теперь мне надо отказываться от него? Я поклялся, что преступник умрет, и он умрет. Бог свидетель – вы можете выбрать для него род смерти.

Донна Лукреция *(стараясь казаться веселой и нежной)* . Ах, дон Альфонсо, дон Альфонсо, мы, право же, занимаемся пустяками. Ну да, я совершенная сумасбродка, это так. Что подделаешь – меня избаловал отец. С детских лет все мои прихоти всегда исполнялись. Чего я хотела четверть часа тому назад, сейчас я этого больше не хочу. Вы же знаете, дон Альфонсо, что я всегда была такая! Ну сядьте же подле меня и поговорим нежно, искренно, как муж и жена, как два добрых друга.

Дон Альфонсо *(тоже с подчеркнутой любезностью)* . Донна Лукреция, вы – дама моего сердца, и я безмерно счастлив, что вам хоть на миг захотелось видеть меня у ваших ног. *(Садится рядом с нею.)*

Донна Лукреция. Как хорошо, когда находишь общий язык! Да знаете ли вы, Альфонсо, что я люблю вас все так же, как в первый день нашего супружества, в тот день, когда вы так блистательно совершили свой въезд в Рим в сопровождении брата моего герцога Валантинуа и вашего брата кардинала Ипполито д'Эсте? Я стояла на балконе под лестницей собора святого Петра. Я и сейчас помню вашу великолепную лошадь всю в золоте, помню, какой царственный был у вас вид!

Дон Альфонсо. Вы сама, синьора, были так прекрасны, так лучезарны под сенью балдахина белой парчи.

Донна Лукреция. О синьор, не говорите обо мне, когда я говорю о вас. Не может быть сомнения, что все принцессы Европы завидуют моему замужеству – ведь во всем христианском мире нет такого рыцаря, как вы. И право, я люблю вас так, как любят в восемнадцать лет. Вы ведь знаете, что я вас люблю, Альфонсо? Надеюсь, вы в этом никогда не сомневаетесь? Пусть я порой бываю и холодной и рассеянной, но таков уж мой нрав, и не сердце тут виной. Послушайте, Альфонсо, если бы ваша светлость слегка журила меня за это, я бы могла быстро исправиться. Хорошо любить друг друга так, как любим мы! Дайте мне руку, поцелуйте меня, дон Альфонсо! И странно, право же, подумать, что такие люди, как вы и я, занимающие самый прекрасный в мире герцогский престол, любящие друг друга, готовы поссориться из-за какого-то жалкого венецианца – наемного капитана! Надо прогнать этого человека и больше о нем не говорить. Пусть отправляется, мошенник, куда хочет – верно, Альфонсо? Лев и львица не станут же сердиться на какую-то маленькую мышку. Да знаете ли вы, ваша светлость, что если бы корона герцога присуждалась в награду самому красивому из мужчин Феррары, она досталась бы только вам? – Давайте, я сама скажу от вашего имени Батисте, чтобы он как можно скорее распорядился прогнать этого Дженнаро из Феррары!

Дон Альфонсо. Не к спеху.

Донна Лукреция *(с притворной веселостью)* . Мне больше не хотелось бы и думать об этом. Позвольте мне, синьор, кончить это дело так, как мне нравится.

Дон Альфонсо. Это дело кончится так, как найду нужным я.

Донна Лукреция. Но ведь у вас-то, мой Альфонсо, у вас же нет причины желать ему смерти.

Дон Альфонсо. А слово, которое я вам дал? Клятва государя – священна.

Донна Лукреция. Пусть это говорят народу. Но мы-то с вами, Альфонсо, знаем, что это такое. Святой отец обещал королю французскому, Карлу Восьмому, что сохранит жизнь Зизими, – тем не менее он умертвил этого Зизими. Герцог Валантинуа на честное слово остался заложником у того же самого простака Карла Восьмого, а как только представился случай, герцог Валантинуа бежал из французского лагеря. Вы сами дали обещание Петруччи вернуть им Сьену. Вы этого не сделали, да и не должны были делать. Да что! История государств полна таких случаев. Ни короли, ни народы и дня не могли бы прожить, если бы стали в точности исполнять обещания. Между нами говоря, Альфонсо, соблюдение клятвы необходимо лишь тогда, когда нет другого выхода.

Дон Альфонсо. Однакоже, донна Лукреция, клятва...

Донна Лукреция. Не приводите мне таких слабых доводов. Я не настолько глупа. Лучше скажите мне, мой дорогой Альфонсо, нет ли у вас особых причин гневаться на этого Дженнаро? Нет? Ну, так подарите мне его жизнь. Ведь вы же обещали мне предать его смерти. Не все ли вам равно, раз мне угодно его простить? Ведь оскорблена – я.

Дон Альфонсо. Именно потому, что он вас оскорбил, я и не хочу его щадить, любовь моя.

Донна Лукреция. Если вы меня любите, Альфонсо, вы не откажете. А если мне угодно показать пример милосердия? Так можно заслужить любовь вашего народа. Я хочу, чтобы ваш народ полюбил меня. Милосердие делает государя похожим на Иисуса Христа. Будем же, Альфонсо, милосердными государями. В бедной Италии и без того довольно тиранов, начиная от папского барона-наместника и кончая папой – наместником бога. Кончим это, дорогой Альфонсо. Освободите этого Дженнаро. Пусть это прихоть; но прихоть женщины священна и возвышенна, когда она спасает голову человека.

Дон Альфонсо. Дорогая Лукреция, не могу.

Донна Лукреция. Не можете? Но почему же вы не можете сделать для меня такую малость, как подарить мне жизнь этого капитана?

Дон Альфонсо. Вы, любовь моя, спрашиваете – почему?

Донна Лукреция. Ну да – почему?

Дон Альфонсо. Потому, что этот капитан – ваш любовник.

Донна Лукреция. Боже!

Дон Альфонсо. Потому, что вы гонялись за ним в Венецию! Потому, что погнались бы за ним и в ад! Потому, что я следил за вами, когда вы его преследовали! Потому, что я видел, как вы, задыхаясь под маской, гонялись за ним, точно волчица за своей добычей! Потому, что вот тут, сейчас, вы пожирали его взглядом, полным слез и полным огня! Потому, что вы без всякого сомнения уже отдавались ему, синьора! Потому, что переполнилась мера позора, и мерзости, и разврата! И пора мне отомстить за мою поруганную честь так, чтобы вокруг моей постели кровь лилась рекой. Слышите, синьора?

Донна Лукреция. Дон Альфонсо...

Дон Альфонсо. Замолчите. Постарайтесь теперь лучше оберегать ваших любовников, Лукреция! У входа в вашу спальню ставьте какого хотите стража, но у выхода теперь будет привратник по моему выбору – палач!

Донна Лукреция. Ваша светлость, клянусь вам!

Дон Альфонсо. Не клянитесь. Клятвы – это для народа. Не приводите таких слабых доводов.

Донна Лукреция. Если бы вы только знали...

Дон Альфонсо. Довольно! Я ненавижу всю вашу ужасную семью, всех этих Борджа, и первую – вас, вас, которую я так безумно любил! В конце концов я это должен вам сказать – ведь это же позорное, неслыханное и удивительное дело, что в вашем и моем лице соединились дом Эсте, который стоит больше, чем дом Валуа или дом Тюдоров, – да, дом Эсте, – и семья Борджа, которая зовется даже не Борджа, а Ленцуоли, или Ленцолио, или еще бог знает как! Мне внушает ужас ваш брат Чезаре, у которого от природы кровавые пятна на

лице, ваш брат Чезаре, который убил вашего брата Джованни! Мне внушает ужас ваша мать – эта Роза Ваноцца, старая испанская проститутка, которую теперь возмущается Рим, а раньше возмущался Валанс! А ваши самозванные племянники, эти герцоги Сермонетто и Непи, – хороши, право, герцоги, герцоги со вчерашнего дня, по милости украденных земель! Дайте мне кончить! Мне внушает ужас ваш отец, папа римский, у которого женщин – целый сераль, как у турецкого султана Баязета, ваш отец – этот антихрист, ваш отец, который отправляет на галеры людей достойных и прославленных, а кардиналами делает разбойников, – и когда смотришь на тех и других, одинаково одетых в красное, то невольно задаешь себе вопрос – не каторжники ли стали кардиналами, а кардиналы – каторжниками?

Донна Лукреция. Ваша светлость! Ваша светлость! Заклинаю вас на коленях, заклинаю во имя Христа и девы Марии, во имя вашего отца и вашей матери, заклинаю – пощадите этого капитана!

Дон Альфонсо. Вот это любовь! – С его трупом, синьора, вы сможете делать все, что вам заблагорассудится, а ждать этого не потребуется и часа.

Донна Лукреция. Пощадите Дженнаро!

Дон Альфонсо. Мое решение бесповоротно, и если бы вы могли читать в моей душе, вы замолчали бы, как если бы он был уже мертв.

Донна Лукреция *(поднимаясь)* . Так берегитесь же, дон Альфонсо Феррарский, мой четвертый муж!

Дон Альфонсо. О, не пугайте, синьора! Ей-богу, я вас не боюсь! Я знаю ваши повадки. Я не позволю себя отравить, как ваш первый муж, этот жалкий испанский дворянин, которого уж не помню, как звали, да и вы не помните! Я не позволю прогнать себя, как второй ваш муж, Джованни Сфорца, властитель Пезары, этот болван! Я не позволю заколоть себя пиками на какой бы то ни было лестнице, как третий – дон Альфонсо Арагонский, слабый ребенок, чья кровь даже не окрасила ступеней – так, как будто это была чистая вода. Спокойно! Я мужчина, синьора. В нашем роду часто носили имя Геркулеса. Клянусь небом! В городе моем и в моих владениях полно солдат, и я сам – один из них, и моих добрых пушек я еще не продал, как этот бедняга король Неаполя, вашему светлейшему отцу папе.

Донна Лукреция. Вы расклетесь в этих словах, синьор. Вы забываете, кто я.

Дон Альфонсо. Я прекрасно знаю, кто вы, но я знаю также, где вы находитесь. Вы – дочь папы, но вы не в Риме; вы правительница Сполето, но вы не в Сполето; вы – жена, подданная и служанка Альфонсо, герцога Феррарского, и вы находитесь в Ферраре!

Донна Лукреция, бледная от ужаса и гнева, пристально смотрит на герцога и медленно отступает перед ним, пока в изнеможении не падает в кресло.

Ах, это вас удивляет и вы испуганы, синьора? А до сих пор я боялся вас. Теперь пусть будет по-новому, и для начала я впервые налагаю руку на вашего любовника – он умрет.

Донна Лукреция *(слабым голосом)* . Будьте рассудительны, дон Альфонсо. Если этот человек – тот самый, что так преступно оскорбил меня, он не может быть в то же время моим любовником.

Дон Альфонсо. Почему бы и нет? Он мог это сделать в порыве досады, гнева, ревности. Ведь он тоже, быть может, ревнив. Впрочем, я-то почему знаю? Я хочу, чтобы он умер. Это моя прихоть. Во дворце полно солдат, они преданы мне и слушаются только меня. Бежать отсюда он не может. Вы, синьора, ничему не в силах помешать. Я предоставил вашей светлости выбрать для него род смерти – решайте же.

Донна Лукреция *(ломая руки)* . О боже мой! Боже мой!

Дон Альфонсо. Вы не отвечаете? Так я прикажу заколоть его шпагой там, в передней. *(Идет к выходу.)*

Она хватается за руку.

Донна Лукреция. Стойте!

Дон Альфонсо. Быть может, вы лучше сами нальете ему бокал сиракузского вина?

Донна Лукреция. Дженнаро!

Дон Альфонсо. Он должен умереть.

Донна Лукреция. Только не от шпаги!

Дон Альфонсо. Это мне все равно. Какой же вы способ выбираете?

Донна Лукреция. Другой.

Дон Альфонсо. Только будьте внимательны – не ошибитесь, налейте ему сами из золотого графина. Впрочем, я буду здесь. Не подумайте, что я оставлю вас одну.

Донна Лукреция. Я сделаю то, что вам будет угодно.

Дон Альфонсо. Батиста!

Слуга входит.

Привести арестованного.

Донна Лукреция. Вы, ваша светлость, мерзкий человек!

Явление пятое

Те же, Дженнаро, стража.

Дон Альфонсо. Что я слышу, синьор Дженнаро? То, что вы сделали нынче утром, вы сделали, говорят, из озорства и по легкомыслию, а отнюдь не по злему умыслу? Госпожа герцогиня вас прощает, а вы к тому же, как слышно, храбрец. Если так, то, ей-богу, вы можете целым и невредимым возвращаться в Венецию. Богу не угодно, чтобы я лишил славную Венецианскую республику доброго слуги, а христианство – верного воина с верной шпагой в руке, да еще в такое время, когда в Кипрских и Кандийских водах стали появляться язычники и сарацины!²⁶

Дженнаро. Очень этому рад, ваша светлость. Признаться, я не ожидал такой развязки, но я благодарен вашей светлости. Милосердие – это царственная добродетель, и бог пошлет милость на небе тому, кто оказывает милость на земле.

Дон Альфонсо. Скажите, капитан, выгодное ли это дело – служить республике? Сколько вы получаете жалованья в год?

Дженнаро. У меня, ваша светлость, отряд в пятьдесят копий; людей я содержу и одеваю на свой счет. Республика платит мне две тысячи золотых цехинов в год, не считая военной добычи и случайных доходов.

Дон Альфонсо. А если бы я предложил вам четыре тысячи, поступили бы вы на службу ко мне?

Дженнаро. Это невозможно. Я еще пять лет должен прослужить республике. Я уже связал себя.

Дон Альфонсо. Связали – чем?

Дженнаро. Словом.

Дон Альфонсо (*тихо, донне Лукреции*). Оказывается, синьора, они тоже умеют держать слово. (*Громко*) Так и не будем говорить об этом, синьор Дженнаро.

Дженнаро. Я ничем не унизил себя, чтобы спасти свою жизнь, но раз уж ваша светлость мне дарит ее, то вот что я могу теперь не таить от вас. Ваша светлость еще помнит осаду Фаэнцы два года тому назад. Ваш отец, его светлость герцог Эрколе д'Эсте, подвергся там великой опасности со стороны двух стрелков герцога Валантинуа – они чуть не убили его. Неизвестный солдат спас ему жизнь.

Дон Альфонсо. Да, и этого солдата потом не могли разыскать.

Дженнаро. Это был я.

Дон Альфонсо. Это, ей-богу, заслуживает награды. Не примете ли вы, капитан, этот кошелек с цехинами?

²⁶ ...стали появляться язычники и сарацины. – В средние века сарацинами называли арабов или мавров, с которыми боролись европейские народы. Хотя они были мусульманами, их нередко называли «язычниками», не делая различия между этими двумя понятиями. В XV в. торговые пути из Южной Европы на восток были вновь, преграждены мусульманами-турками, которые в 1453 г. захватили Константинополь и создали угрозу Италии.

Дженнаро. Поступая на службу республики, мы даем клятву не принимать денег от иностранных государей. Но если ваша светлость разрешит, я кошелек возьму и золото раздам от себя этим храбрым воинам. *(Показывает на стражу.)*

Дон Альфонсо. Извольте.

Дженнаро берет кошелек.

Но если так, то, по обычаю наших предков, вы со мною выпьете, как друг, бокал моего доброго сиракузского вина.

Дженнаро. С удовольствием, ваша светлость.

Дон Альфонсо. И, чтобы почтить вас как человека, который спас жизнь моему отцу, пусть госпожа герцогиня сама нальет вам вина.

Дженнаро кланяется и отходит, чтобы раздать деньги солдатам в глубине сцены.

Рустигелло!

Рустигелло появляется с подносом.

Поставь поднос сюда, на этот стол. Так, хорошо. *(Берет донну Лукрецию за руку.)* Слушайте, синьора, что я скажу этому человеку. – Рустигелло, стань снова за этой дверью с обнаженной шпагой в руке; если услышишь звон этого колокольчика, ты войдешь. Ступай.

Рустигелло выходит; видно, как он становится за дверью.

Синьора, вы сами нальете вина молодому человеку, и притом из золотого графина, не забудьте.

Донна Лукреция *(бледнея, слабым голосом)* . Да... Если бы вы только знали, что вы делаете в этот миг и как это ужасно, вы бы сами содрогнулись, ваша светлость, как бы ни были бесчувственны!

Дон Альфонсо. Не ошибитесь – из золотого графина. – Ну что же, капитан?

Дженнаро, покончив с раздачей денег, возвращается на авансцену. Герцог наливает себе из серебряного графина и подносит бокал к губам.

Дженнаро. Я просто смущен. Вы так добры, ваша светлость.

Дон Альфонсо. Синьора, налейте синьору Дженнаро. Сколько вам лет, капитан?

Дженнаро *(беря другой бокал и протягивая его герцогине)* . Двадцать.

Дон Альфонсо *(шепотом, герцогине, пытающейся взять серебряный графин)* . Из золотого, синьора!

Она, дрожа, берет золотой графин.

А ведь вы, наверно, влюблены?

Дженнаро. Кто же, ваша светлость, хоть немного не влюблен?

Дон Альфонсо. А знаете ли, синьора, что было бы жестокостью отнять этого капитана у жизни, у любви, у Италии с ее солнцем, у красоты его двадцатилетнего возраста, у славного поприща войны и приключений, источника доблести всех царственных домов, у празднеств, у маскарадов, у веселых венецианских карнавалов, где бывает обмануто столько мужей, и у красавиц, которых может полюбить этот юноша и которые – не правда ли, синьора? – должны любить этого юношу? – Так налейте же капитану. *(Шепотом)* Если вы колеблетесь, я позову Рустигелло.

Она молча наливает вино Дженнаро.

Дженнаро. Благодарю вашу светлость за то, что я еще могу жить для моей бедной матери.

Донна Лукреция *(в сторону)* . О ужас!

Дон Альфонсо *(пьет)* . Ваше здоровье, капитан Дженнаро, – живите долгие годы!

Дженнаро. Ваша светлость, бог да воздаст вам. *(Пьет.)*

Донна Лукреция *(в сторону)* . О небо!

Дон Альфонсо *(в сторону)* . Дело сделано. *(Вслух.)* Теперь я вас оставляю, капитан. Вы можете ехать в Венецию, когда вам будет угодно. *(Тихо, донне Лукреции)* Благодарите меня, синьора, я оставляю вас с ним наедине. Вы, наверно, захотите с ним проститься. Пусть, если вам это нравится, он будет ваш последние четверть часа своей жизни. *(Уходит, стража следует за ним.)*

Явление шестое

Донна Лукреция, Дженнаро.

Рустигелло по-прежнему виден за дверью в неподвижной позе.

Донна Лукреция. Дженнаро! Вы отравлены!

Дженнаро. Я отравлен, синьора?

Донна Лукреция. Отравлены!

Дженнаро. Я должен был бы этого ожидать – ведь вино наливали вы.

Донна Лукреция. О, не терзайте меня, Дженнаро. Не отнимайте у меня остатки сил – они мне нужны еще на несколько минут. Выслушайте меня. Герцог ревнует меня к вам, герцог считает вас моим любовником. Герцог предоставил мне на выбор: или видеть, как Рустигелло тут же заколет вас, или самой налить вам яду – страшного яду, Дженнаро, такого яду, что при одной мысли о нем бледнеет всякий итальянец, знающий историю последних двадцати лет...

Дженнаро. Да, яд Борджа!

Донна Лукреция. Вы его выпили. Никто в мире не знает противоядия от этой ужасной отравы, никто, кроме папы, кардинала Валантинуа и меня. Вот склянка – я всегда ношу ее при себе. В этой склянке, Дженнаро, жизнь, здоровье, спасенье. Одна капля, один глоток – и вы спасены. *(Хочет поднести склянку к губам Дженнаро; он отступает.)*

Дженнаро *(пристально глядя на нее)*. Кто поручится мне, синьора, что и это не яд?

Донна Лукреция *(уничтоженная, падает в кресло)*. О боже! Боже!

Дженнаро. Разве не зовут вас Лукреция Борджа? Или вы думаете, что я не помню о брате Баязета? Ведь я немного знаю историю! Его тоже уверили, что он отравлен – Карлом Восьмым, и дали ему противоядие, от которого он умер. А рука, что поднесла ему противоядие, – вот она – держит эту склянку. И уста, что уговаривали его выпить, вот они – я слышу, как они говорят!

Донна Лукреция. О я несчастная!

Дженнаро. Послушайте, синьора, вы притворяетесь влюбленной, но я не поддамся обману. У вас какой-то страшный умысел против меня. Это видно. Вы, должно быть, знаете, кто я. Вот сейчас по вашему лицу можно прочесть, что вы это знаете, и легко заметить, что у вас есть причина, которая ни за что и никогда не позволит вам открыть мне тайну. Ваша семья должна знать мою семью, и, может быть, в этот час, отравляя меня, вы, кто знает, – мстите не мне, а моей матери?

Донна Лукреция. Вашей матери, Дженнаро! Вы ее, может быть, представляете себе совсем иной, чем она есть. А что бы вы сказали, будь она преступница вроде меня?

Дженнаро. Не клевете на нее. О нет! Мать моя – не такая женщина, как вы, синьора Лукреция! О, я чувствую ее в моем сердце, я вижу ее в грезах моей души – такой, какая она есть. Образ ее – во мне, он родился со мной: я не любил бы ее так, как люблю, если бы она не была достойна меня. Сердце сына не ошибется насчет матери. Я возненавидел бы ее, если бы она могла быть похожа на вас. Но нет, нет! Что-то во мне говорит, говорит громко, что моя мать не из числа тех демонов, которых много среди вас, нынешних красавиц, – кровосмесительниц, развратниц, отравительниц! О боже! Я твердо уверен в том, что если есть на свете женщина невинная, женщина добродетельная, святая – то это моя мать! О, она такая и не может быть иной! Вы ее наверно знаете, синьора Лукреция, и вы не будете мне противоречить!

Донна Лукреция. Нет, Дженнаро, этой женщины, вашей матери, я не знаю!

Дженнаро. Но с кем я об этом говорю? Что вам, Лукреция Борджа, материнские скорби и радости? У вас, как слышно, никогда не было детей, и это счастье для вас. Ведь если бы у вас были дети, – знаете, синьора, – они отказались бы от вас! Где тот несчастный, тот отверженный, что согласился бы иметь такую мать? Быть сыном Лукреции Борджа! Называть матерью Лукрецию Борджа!

Донна Лукреция. Дженнаро! Вы отравлены. Герцог, который уже считает вас мертвым, может вернуться каждый миг! Мне бы думать лишь о том, как вас спасти, помочь вам бежать. А между тем вы говорите такие страшные слова, что я только слушаю их и цепенею от ужаса...

Дженнаро. Синьора...

Донна Лукреция. Но надо кончать! Клеймите меня, убивайте своим презрением, но вы отравлены – выпейте сейчас же это!

Дженнаро. Кому же мне верить, синьора? Герцог честен, и я спас жизнь его отцу. Вас же я оскорбил, вам есть за что мстить мне.

Донна Лукреция. Мстить тебе, Дженнаро! Если б я могла отдать всю мою жизнь, чтобы подарить тебе лишний час жизни, отдать всю мою кровь, чтобы не дать тебе пролить одну-единственную слезу, стать у позорного столба, чтобы возвести тебя на престол, адскими муками заплатить за малейшую из твоих забав – я бы не роптала, я была бы счастлива, я бы целовала твои ноги, мой Дженнаро! О моем бедном, жалком сердце ты вовеки не узнаешь ничего, кроме того, что оно полно тобою! – Но время не терпит, Дженнаро, яд действует, вот сейчас ты его почувствуешь, еще немного – и будет уже поздно. Жизнь в этот миг открывает перед тобой две темные бездны, но в одной из них минут насчитывается меньше, чем часов в другой. Ты должен решиться, которую избрать. Выбор этот ужасен. Дай мне руководить тобой. Сжался над нами обоими, Дженнаро! Ради неба, выпей скорей!

Дженнаро. Хорошо, пускай! Если и тут преступление, да падет оно на вашу голову. В конце концов, правду вы говорите или неправду, жизнь моя не стоит таких споров. Давайте. *(Берет склянку и пьет.)*

Донна Лукреция. Спасен! Теперь во весь опор мчись в Венецию. Есть у тебя деньги?

Дженнаро. Есть.

Донна Лукреция. Герцог думает, что ты умер. Скрыть от него твое бегство будет легко. Постой! Возьми эту склянку и всегда держи при себе. В наше время ни одна трапеза не обходится без яда. А ты под особенной угрозой. Ну, скорей уходи! *(Указывает ему на дверь, замаскированную обоями, и приоткрывает ее.)* Спустись по этой лестнице. Она выходит в один из дворов палаццо Негрони. Оттуда тебе легко будет выскользнуть. Не жди завтрашнего утра, не жди заката солнца, не жди ни одного часа, ни даже получаса! Оставь Феррару сейчас же, оставь Феррару, как если бы то был горящий Содом,²⁷ и не оглядывайся назад! – Прощай! – Нет, постой минуту. Я должна сказать тебе, Дженнаро, еще одно слово.

Дженнаро. Говорите, синьора.

Донна Лукреция. Я прощаюсь с тобой, Дженнаро, и больше не увижу тебя никогда. Мне уж и не мечтать о том, чтобы хоть изредка встречать тебя на моем пути. А это было единственное мое счастье. Но это значило бы рисковать твоей головой. И вот мы в этой жизни расстанемся с тобой навсегда! Увы! Я слишком уверена, что мы не встретимся и в будущей жизни. О Дженнаро! Прежде, чем мы простимся с тобой навеки, скажешь ли ты мне хоть слово?

Дженнаро *(потупив глаза)* . Синьора...

Донна Лукреция. Я ведь, как никак, спасла тебе жизнь!

Дженнаро. Так вы говорите. Но все здесь – сплошные потемки. Не знаю, что и думать. Но знаете, синьора, я все могу простить, кроме одного.

Донна Лукреция. Что же это?

Дженнаро. Поклянитесь мне всем, что вам дорого, – хотя бы моей собственной головой, раз вы любите меня, вечным спасением моей души, – поклянитесь мне, что ваши преступления не имеют отношения к несчастьям моей матери.

Донна Лукреция. Все, что я вам говорю, Дженнаро, полно значения. Я не могу дать

²⁷ ...горящий Содом... – По библейской легенде, город Содом был сожжен небесным огнем в наказание за развращенность его жителей.

такую клятву.

Дженнаро. О моя мать! Так вот она, эта ужасная женщина – причина всех твоих несчастий!

Донна Лукреция. Дженнаро!

Дженнаро. Вы сами сознались, синьора! Прощайте же! Я проклиная вас!

Донна Лукреция. А я благословляю тебя, Дженнаро!

Он уходит. Лукреция без чувств падает в кресло.

Часть вторая

Декорация второй части первого действия. Площадь в Ферраре с балконом герцогского дворца по одну сторону и домом Дженнаро по другую. Ночь.

Явление первое

Дон Альфонсо, Рустигелло, закутавшиеся в плащи.

Рустигелло. Да, ваша светлость, так оно и было. Не знаю уж, с помощью какого зелья она спасла ему жизнь, а потом выпустила его через двор палаццо Негрони.

Дон Альфонсо. И ты стерпел?

Рустигелло. Как было помешать ей? Она заперла дверь на засов. Я не мог выйти.

Дон Альфонсо. Надо было выломать дверь.

Рустигелло. Дверь дубовая, засов железный. Легкое ли дело?

Дон Альфонсо. Мало ли что? – Говорю тебе – надо было сломать засов, надо было войти и убить его.

Рустигелло. Если бы я даже и выломал дверь, синьора Лукреция заслонила бы его собой. Пришлось бы убить и синьору Лукрецию.

Дон Альфонсо. Ну и что же? Что из того?

Рустигелло. На этот счет у меня не было приказаний.

Дон Альфонсо. Рустигелло, хорош тот слуга, который и без лишних слов понимает своего государя.

Рустигелло. К тому же я боялся поссорить вашу светлость с папой.

Дон Альфонсо. Болван!

Рустигелло. Дело было щекотливое, ваша светлость. Убить дочь святейшего отца!

Дон Альфонсо. И не убивая ее, ты разве не мог закричать, позвать, предупредить меня, помешать любовнику удрать?

Рустигелло. Да, а назавтра ваша светлость помирились бы с синьорой Лукрецией, и послезавтра синьора Лукреция велела бы меня повесить.

Дон Альфонсо. Ну довольно. Ты ведь мне сказал, что не все еще потеряно.

Рустигелло. Не все потеряно. Вот видите – свет в окне. Этот Дженнаро еще тут. Его слуга, которого подкупила герцогиня, теперь подкуплен мною и все мне рассказал. Сейчас он с парой оседланных лошадей стоит за крепостью и ждет своего хозяина. Дженнаро вот-вот выйдет из дому.

Дон Альфонсо. Коли так, спрячемся за углом. Ночь темная. Мы его убьем, когда он будет проходить мимо.

Рустигелло. Как прикажете.

Дон Альфонсо. Шпага у тебя надежная?

Рустигелло. Надежная.

Дон Альфонсо. Есть у тебя кинжал?

Рустигелло. На свете только две вещи нелегко найти – итальянца без кинжала и итальянку без любовника.

Дон Альфонсо. Хорошо. Ты ударишь изо всех сил, обеими руками.

Рустигелло. А почему бы, ваша светлость, не арестовать его просто-напросто, а потом и повесить по приговору суда?

Дон Альфонсо. Он венецианский подданный, и это значило бы объявить республике войну. Нет, удар кинжала падает неизвестно откуда и ни на кого не навлекает подозрений. Отравить было бы еще лучше, но отравить не удалось.

Рустигелло. Так, может быть, ваша светлость, прикажете взять четырех сбиров, чтобы вашей милости не вмешиваться в это дело? Они мигом спровадят его на тот свет.

Дон Альфонсо. Друг мой синьор Макьявелли часто говаривал мне, что в подобных обстоятельствах государям лучше всего самим устраивать свои дела.

Рустигелло. Ваша светлость, кто-то идет.

Дон Альфонсо. Станем у стены.

Они прячутся в тень, под балкон. Появляется Маффио в праздничном наряде, что-то напевая, и стучится в дверь к Дженнаро.

Явление второй

Дон Альфонсо и Рустигелло, притаившиеся у стены; Маффио, Дженнаро.

Маффио. Дженнаро!

Дверь открывается, показывается Дженнаро.

Дженнаро. Ты, Маффио? Хочешь войти?

Маффио. Нет. Мне надо лишь два слова тебе сказать. Ты решительно не хочешь ужинать с нами нынче у княгини Негрони?

Дженнаро. Я не приглашен.

Маффио. Так я тебя представлю.

Дженнаро. Есть еще другая причина. Тебе-то я должен ее сказать. Я уезжаю.

Маффио. Как? Уезжаешь?

Дженнаро. Через четверть часа.

Маффио. Почему?

Дженнаро. Это я тебе скажу в Венеции.

Маффио. Любовные дела?

Дженнаро. Да, любовные дела.

Маффио. Ты дурно поступаешь со мною, Дженнаро. Мы поклялись никогда не расставаться, быть неразлучными, как братья, и вдруг ты уезжаешь без меня!

Дженнаро. Поезжай со мной!

Маффио. Лучше ты иди со мной! Приятнее провести ночь за ужином в обществе хорошеньких женщин и веселых собеседников, чем на большой дороге, где кругом разбойники да овраги.

Дженнаро. Нынче утром ты не очень-то был уверен в твоей княгине Негрони.

Маффио. Я навел справки. Джеппо, оказывается, был прав. Она очаровательная женщина, очень веселая, любит стихи и музыку – вот и все. Ну пойдем со мной!

Дженнаро. Не могу.

Маффио. Ехать среди ночи! Тебя убьют.

Дженнаро. Будь спокоен. Прощай. Желаю веселиться.

Маффио. Брат Дженнаро, не по душе мне твоя поездка.

Дженнаро. Брат Маффио, не по душе мне твой ужин.

Маффио. Что, если с тобой случится беда, а меня при этом не будет?

Дженнаро. Как знать, не упрекну ли я себя завтра, что покинул тебя сегодня?

Маффио. И в самом деле, давай не будем разлучаться. Сделаем друг другу уступки. Пойдем сегодня к Негрони, а завтра на рассвете вместе и поедем. Решено?

Дженнаро. Слушай, придется мне рассказать тебе, Маффио, почему я так внезапно

собрался уезжать. Суди сам, прав ли я. (*Отводит Маффио в сторону и говорит ему на ухо.*)

Рустигелло (*под балконом, шепотом, дону Альфонсо*) . Нападать, ваша светлость?

Дон Альфонсо (*шепотом*) . Подождем.

Маффио (*хохочет, выслушав рассказ Дженнаро*) . Знаешь, что я тебе скажу, Дженнаро? Тебя одурачили. Во всей этой истории нет ни яда, ни противоядия. Все – чистейшая комедия. Лукреция без памяти влюблена в тебя, и вот она захотела внушить тебе, будто спасла тебе жизнь. Надеется, верно, что благодарность незаметно перейдет в любовь. Герцог – добрый малый, он неспособен кого бы то ни было ни отравить, ни убить. К тому же ты спас жизнь его отцу, и он это знает. Герцогиня хочет, чтобы ты уехал, – понятное дело. В Венеции ей, право, удобнее заниматься любовью, чем в Ферраре. Муж все-таки ее немножко стесняет. Что же до ужина у Негрони, там будет восхитительно. Ты пойдешь. Надо же, черт возьми, здраво рассуждать и ничего не преувеличивать. Ты знаешь, что я осторожен и дурного не посоветую. Если было два-три знаменитых случая, когда эти Борджа за ужином отравляли превосходным вином самых лучших своих друзей, так это еще не причина, чтобы вовсе не ужинать. Это еще не причина, чтобы в чудесном сиракузском вине всегда видеть отраву, а во всех знатных красавицах Италии – Лукрецию Борджа. Все это бредни и рассказы! Если бы так, то одни грудные младенцы могли бы спокойно ужинать и не сомневаться насчет того, чем их поят. Клянусь Геркулесом, выбирай, Дженнаро: быть ребенком или быть мужчиной; сосать грудь кормилицы или идти ужинать.

Дженнаро. В самом деле, как-то странно спастись ночью. Это похоже на трусость. Впрочем, если опасно оставаться, то я не должен покидать Маффио одного. Будь что будет. Тут тоже дело случая. Решено. Ты меня представишь княгине Негрони. Иду с тобой.

Маффио (*беря его за руку*) . Ей-богу, вот это друг!

Уходят. Видно, как они удаляются, направляясь в глубь площади. Дон Альфонсо и Рустигелло выходят из засады.

Рустигелло (*с обнаженной шпагой*) . Ну чего ж вы ждете, ваша светлость? Их только двое. Возьмите на себя одного, я беру другого.

Дон Альфонсо. Нет, Рустигелло. Они идут на ужин к княгине Негрони. А по моим сведениям... (*Останавливается на минуту и как будто задумывается. Вдруг, рассмеявшись.*) Черт возьми! Это мне еще более на руку, да и было бы презабавно. Подождем до завтра.

Действие третье Вино и смерть

Великолепный зал в палаццо Негрони. Направо решетчатая дверь. В глубине большая, очень широкая двустворчатая дверь. Посреди зала – роскошно накрытый стол во вкусе шестнадцатого века. Кругом снуют маленькие черные пажи, одетые в золотую парчу. Когда занавес поднимается, за столом сидят четырнадцать человек: Джеппо, Маффио, Асканио, Олоферно, Апостоло, Дженнаро, Губетта и семь молодых женщин, красивых и одетых очень нарядно. Молодые люди пьют и едят или громко хохочут, разговаривая со своими соседками, – за исключением Дженнаро, который молчит и, по-видимому, задумался.

Явление первое

Джеппо, Маффио, Асканио, Олоферно, дон Апостоло, Губетта, Дженнаро, женщины, пажи.

Олоферно (*со стаканом в руке*) . Да здравствует херес, славное винцо! Херес де ла Фронтера – райский город.

Маффио (*тоже со стаканом в руке*) . Это вино получше ваших историй, Джеппо.

Асканио. У Джеппо, когда он выпьет, страсть рассказывать истории.

Дон Апостооло. На днях – в Венеции, у достославного дожа Барбариго, нынче – в Ферраре, у божественной княгини Негрони.

Джеппо. Но тогда это была страшная история, а сегодня – веселая.

Маффио. Веселая, Джеппо? О том, как дон Силичео, тридцатилетний красавец, кавалер, проигравший в карты все свое состояние, женился на богатейшей маркизе Кальпурнии, которой от роду сорок восемь лет. Клянусь Вакхом – да что же тут, по-вашему, веселого?

Губетта. Грустная и довольно обычная история. Разорившийся мужчина женится на разрушающейся даме. Такое мы видим каждый день. *(Принимается за еду.)*

Время от времени некоторые из гостей встают из-за стола и выходят на авансцену, где разговаривают; пиршество тем временем продолжается.

Княгиня Негрони *(указывая Маффио на Джелларо)* . Граф Орсини! Друг ваш, кажется, что-то очень грустен.

Маффио. Он всегда такой, синьора. Простите, что я его привел, хоть вы и не удостоили его приглашения. Мы с ним братья по оружию. Он спас мне жизнь при осаде Римини, а я при взятии моста в Виченце принял на себя удар шпаги, который ему предназначался. Мы не разлучаемся никогда. Мы всегда вместе. Один цыган предсказал нам, что мы умрем в один и тот же день.

Княгиня Негрони *(смеясь)* . А сказал он вам – утром это будет или вечером?

Маффио. Он нам сказал, что это будет утром.

Княгиня Негрони *(смеясь еще громче)* . Ваш цыган сам не знал, что говорит. И вы очень любите этого юношу?

Маффио. Так, как только может мужчина любить мужчину.

Княгиня Негрони. Ну что же, вы наполняете друг другу жизнь. Вы счастливы.

Маффио. Дружба, синьора, не заполняет всего сердца.

Княгиня Негрони. Боже мой! А что же заполняет все сердце?

Маффио. Любовь.

Княгиня Негрони. У вас все любовь на языке.

Маффио. А у вас она во взгляде.

Княгиня Негрони. Какой вы чудак!

Маффио. Какая вы красавица! *(Берет ее за талию.)*

Княгиня Негрони. Граф Орсини, оставьте меня!

Маффио. Дайте поцеловать руку.

Княгиня Негрони. Нет! *(Ускользает от него.)*

Губетта *(подходит к Маффио)* . Ваши дела с княгиней, кажется, неплохи?

Маффио. Она мне говорит одно только «нет».

Губетта. В устах женщины слово «нет» – это старший брат слову «да».

Джеппо *(подходит к Маффио)* . Как тебе нравится княгиня?

Маффио. Божественна. Между нами говоря, она начинает сильно царапать мое сердце.

Джеппо. А ее ужин?

Маффио. Настоящий пир.

Джеппо. Княгиня – вдова.

Маффио. Это и видно по ее веселости.

Джеппо. Надеюсь, ты больше не остерегаешься ее угощения?

Маффио. Ну что тут говорить! Я был безумец.

Джеппо *(Губетте)* . Вы просто не поверите, синьор Бельверана, – ведь Маффио боялся идти на ужин к княгине.

Губетта. Боялся? Да отчего же?

Джеппо. Оттого, что дворец Негрони примыкает к дворцу Борджа.

Губетта. К черту этих Борджа! Давайте пить!

Джеппо *(тихо, к Маффио)* . Люблю этого Бельверану за то, что он не любит Борджа.

Маффио (*тихо*) . Да, правда, он не пропустит случая, чтобы послать их к черту, и делает это с исключительным изяществом. И все-таки, милый мой Джеппо...

Джеппо. Ну что?

Маффио. Я с самого начала ужина наблюдаю за этим испанцем. Он пил до сих пор только воду.

Джеппо. Опять тебя, добрый мой Маффио, одолевают подозрения! Ты что-то скучен во хмелю.

Маффио. Может, ты и прав. Я безумец.

Губетта (*возвращаясь и оглядывая Маффио с ног до головы*) . Знаете ли, синьор Маффио, вы скроены так, что проживете до девяноста лет, и очень похожи на деда моего – он дожил как раз до такого возраста, а звали его, так же как и меня, дон Хиль-Басилио-Фернан-Иренео-Фелипе-Фраско-Фраскито граф де Бельверана.

Джеппо (*тихо, к Маффио*) . Надеюсь, ты больше не сомневаешься в его испанском происхождении? Ему при крещении дали по меньшей мере двадцать имен. – Просто целый каталог, синьор Бельверана!

Губетта. Увы! Наши родители привыкли давать нам больше имен при крещении, чем червонцев при женитьбе. Но чего это они там смеются? (*В сторону*) Надо все-таки создать предлог, чтобы дамы могли удалиться. Как быть? (*Снова садится за стол.*)

Олоферно (*пьет*) . Господа! Клянусь Геркулесом, я никогда не проводил более прелестного вечера. Сударыни, отведайте этого вина. Оно нежнее, чем лакрима-кристи, и еще огненнее кипрского. Это, синьоры, сиракузское вино.

Губетта (*ест*) . Олоферно, как видно, пьян.

Олоферно. Сударыни, я не могу не прочесть стихотворения, которое только что сочинил. Я бы хотел быть поэтом более одаренным, чтобы прославить столь великолепный пир.

Губетта. А я бы хотел быть более богатым, чем мне выпало на долю, и самому задавать друзьям такие пиры.

Олоферно. Нет ничего сладостнее, как воспевать красавицу и добрый ужин.

Губетта. Еще сладостнее обнимать первую и вкушать второй.

Олоферно. Да, я бы хотел быть поэтом. Я хотел бы вознестись к небесам. Я хотел бы иметь крылья...

Губетта. Фазана, что на моей тарелке.

Олоферно. Я все-таки прочитаю вам мой сонет.

Губетта. К черту сонет, синьор маркиз Олоферно Вителлоццо! Разрешаю вам не читать его. Давайте пить!

Олоферно. Вы мне разрешаете не читать мой сонет?

Губетта. Как разрешаю собакам не кусать меня, папе – не благословлять меня, а прохожим – не швырять в меня камнями.

Олоферно. Черт! Да вы, кажется, оскорбляете меня, мой маленький испанец.

Губетта. Я вас не оскорбляю, итальянский верзила. Я отказываюсь уделить внимание вашему сонету. Всего только. Мое горло больше жаждет кипрского вина, чем уши – поэзии.

Олоферно. Так я ваши уши, потрепанный кастилец, прибью гвоздями к пяткам.

Губетта. Вы редкостный олух! Фу! Видал ли кто такого невежу? Упился сиракузским вином, а ведет себя так, словно охмелел от пива!

Олоферно. Да знаете ли, я вас разрежу на четыре части, черт побери!

Губетта (*разрезывая фазана*) . Не могу вам ответить такой же любезностью. Я не разрезаю такой грубой дичи, как вы. Сударыни, не угодно ли фазана?

Олоферно (*хватая нож*) . К дьяволу! Да я распорю брюхо этому мерзавцу, будь он даже знатнее самого императора!

Дамы (*вставая из-за стола*) . Боже! Они сейчас будут драться!

Мужчины. Олоферно, успокойся!

Они обезоруживают Олоферно, который хотел броситься на Губетту. В это время

дамы исчезают в боковую дверь.

Олоферно (*вырываясь*) . Нечистая сила!

Губетта. Вы так часто призываете дьявола, любезный мой поэт, что обратили в бегство наших дам. Уж как вы неловки!

Джеппо. Что верно, то верно. Куда это они исчезли?

Маффио. Они испугались. Нож блеснет – женщина и улизнет.

Асканио. Ничего, они вернутся.

Олоферно (*угрожая Губетте*) . Завтра я тебя найду, чертов графчик!

Губетта. Завтра – сколько вам будет угодно!

Олоферно, шатаясь, в досаде садится на свое место. Губетта хохочет.

Вот дурак-то! Отпугнул самых красивых женщин Феррары – и чем же? Ножом, обернутым в сонет! Разъярился из-за каких-то стихов! У него и впрямь крылья. Это не человек, а гусь. Он, верно, и спит-то как на насесте, этот Олоферно!

Джеппо. Ну довольно, синьоры, успокойтесь. А завтра утром, клянусь Юпитером, вы со всей учтивостью можете перерезать друг другу горло. По крайней мере вы, как подобает дворянам, будете драться на шпагах – не на ножах.

Асканио. А кстати, куда мы девали наши шпаги?

Дон Апостооло. Вы забыли, что у нас их отобрали в передней.

Губетта. Предосторожность была кстати, а то мы подрались бы при дамах и заставили бы покраснеть самих голландцев, хмелеющих от табака.

Дженнаро. Предосторожность весьма кстати – что и говорить!

Маффио. Черт возьми! Вот, брат Дженнаро, первое слово, которое ты вымолвил с начала ужина. Ты совсем не пьешь! Уж не мечтаешь ли о Лукреции Борджа? У тебя, Дженнаро, с ней, наверно, роман? Не отнекивайся!

Дженнаро. Налей мне вина, Маффио! Друзей я не бросаю ни в бою, ни за столом.

Черный паж (*с двумя графинами в руках*) . Синьоры, какого прикажете вина – кипрского или сиракузского?

Маффио. Сиракузского. Оно лучше.

Черный паж наливает всем.

Джеппо. Чума на этого Олоферно! Что же, наши дамы не вернутся? (*Подходит к одной двери, потом к другой.*) Обе двери заперты снаружи, синьоры!

Маффио. Уж не испугались ли теперь и вы, Джеппо? Они просто не хотят, чтобы мы погнались за ними. Вполне понятно.

Дженнаро. Выпьем же, господа.

Чокаются.

Маффио. Твое здоровье, Дженнаро! И скорей бы тебе найти твою мать!

Дженнаро. Да услышит тебя бог!

Все пьют, за исключением Губетты, который незаметно выплескивает вино на пол.

Маффио (*тихо, к Джеппо*) . На этот раз, Джеппо, я точно видел.

Джеппо (*тихо*) . Что видел? Маффио. Испанец не выпил. Джеппо. Так что же?

Маффио. Он выплеснул вино на пол.

Джеппо. Он пьян, да и ты тоже.

Маффио. Может статься.

Губетта. Теперь – застольную песню, синьоры! Я спою вам песню получше, чем сонет маркиза Олоферно. Клянусь добрым старым черепом моего отца, что не я сложил эту песню, ведь я не поэт и не так утончен, чтобы заставить две рифмы стукаться клювами. Вот моя песенка. Она обращена к его милости святому Петру, достославному привратнику рая, и в основе имеет ту глубокую мысль, что небо принадлежит тем, кто пьет.

Джеппо (*тихо, к Маффио*) . Он не только пьян, он к тому же и пьяница.

Все (*за исключением Дженнаро*) . Песню, песню!

Губетта (*поет*) .

Апостол Петр, открой врата
Пьянчуге, чья душа чиста,
А громогласные уста
Готовы гаркнуть: Domine!²⁸

Все (*хором, за исключением Дженнаро*) .

Gloria, Domine!²⁹

Губетта (*поет*) .

Он пьет весь день, весь день поет
И отрастил такой живот,
Что трудновато в райский вход
Пролезть такой хоромине.

Все (*хором, за исключением Дженнаро*) .

Gloria, Domine!

Чокаются и хохочут во все горло. Внезапно раздается отдаленное заунывное пение.

Голоса за сценой. Sanctum et terribile nomen eius. Initium sapientiae timor Domini.³⁰

Джеппо (*смеется еще громче*) . Послушайте, синьоры! Мы тут поем застольную песню,
а эхо – клянусь Вакхом! – служит нам вечерню.

Все. Послушаем.

Голоса за сценой (*несколько ближе*) . Nisi Dominus custodierit civitatem, frustra vigilat qui custodit eam.³¹

Все раздражаются хохотом.

Джеппо. Настоящее церковное пение.

Маффио. Проходит, верно, погребальная процессия.

Дженнаро. В полночь-то! Больно поздно.

Джеппо. Ну продолжайте, синьор Бельверана.

Голоса за сценой (*все более приближаясь*) . Oculos habent, et non videbunt. Nares habent, et non odorabunt. Aures habent, et non audient.³²

Все хохочут еще громче.

Джеппо. И горланы же они, эти монахи!

Маффио. Смотри-ка, Дженнаро. Огонь в светильниках гаснет. Мы вот-вот очутимся в темноте.

Свет в самом деле тускнеет, как будто в светильниках не хватает масла.

Голоса за сценой (*еще ближе*) . Manus habent, et non palpabunt, pedes habent, et non

²⁸ Господу (лат.)

²⁹ Слава богу (лат.)

³⁰ Священно и грозно имя его. Начало премудрости – страх божий (лат.).

³¹ Если господь не охранит государство, вотще бодрствует тот, кто охраняет его (лат.).

³² Есть у них глаза, но не будут они зреть. Есть у них ноздри, но не будут они обонять. Есть у них уши, но не будут они слышать (лат.).

ambulabunt, non clamabunt in gutture suo.³³

Дженнаро. Мне кажется, голоса все ближе.

Джеппо. По-моему, процессия проходит сейчас под нашими окнами.

Маффио. Это заупокойные молитвы.

Асканио. Какие-то похороны.

Джеппо. Выпьем за здоровье того, кого хоронят.

Губетта. А может быть, их несколько – почему вы знаете?

Джеппо. Ну так за здоровье всех!

Апостолю (Губетте). Браво! – А мы продолжим наш разговор со святым Петром.

Губетта. Выражайтесь вежливее. Надо говорить: с его милостью достойным и преславным стражем райских врат. *(Поет.)*

Раз всякий праведник – румян,
То небеса для тех, кто пьян,
Кто пел всю жизнь, подняв стакан,
И хоть бы раз охрип.

Все

И хоть бы раз охрип.

Губетта

И если райская страна,
Как островок, вознесена
Из волн испанского вина,
Петр, обрати нас в рыб!

Все *(чокаясь, с громким смехом)* .

Петр, обрати нас в рыб!³⁴

Большая дверь в глубине сцены медленно раскрывается во всю ширину. За нею виден обширный зал, обитый черным, освещенный несколькими факелами, на задней стене большой серебряный крест. Длинная вереница монахов в черном и белом, с опущенными на лица капюшонами, в отверстиях которых видны только глаза, с факелами в руках входит в среднюю дверь; монахи поют громкими голосами:

De profundis clamavi ad te, Domine!³⁵

Затем они молча становятся по обе стороны зала и застывают в неподвижности, как изваяния; молодые люди с изумлением смотрят на них.

Маффио. Что все это значит?

Джеппо *(принуждая себя смеяться)* . Это все шутка. Готов биться об заклад, ставлю

³³ Есть у них руки, но не будут они осязать; есть у них ноги, но не будут они ступать; не будут они возглашать гортанью своею (лат.).

³⁴ Перевод стихов принадлежит М. Л. Лозинскому.

³⁵ Из глубины воззвал я к тебе, господи (лат.).

моего коня против поросенка и мое имя Ливеретто против имени Борджа, что это наши очаровательные графини; они нарядились на этот лад, чтобы испытать наше мужество, и если приподнять наугад любой из этих капюшонов, под ним окажется свежее и лукавое личико красоти. Вот посмотрите. (*Смеясь, поднимает один из капюшонов и застывает в ужасе, увидев под ним мертвенно бледное лицо монаха, продолжающего стоять в полной неподвижности, с опущенными глазами, с факелом в руках. Опускает капюшон и отступает.*) Это становится странно!

Мафффио. Не знаю, отчего это кровь стынет у меня в жилах.

Монахи (*поют оглушительно громко*) . Conquassabit capita in terra multorum!³⁶

Джеппо. Какая ужасная западня! Шпаги! Наши шпаги! Да что это такое, синьоры? Мы здесь в гостях у дьявола!

Явление второе

Те же и донна Лукреция.

Донна Лукреция (*одетая в черное, внезапно появляется на пороге двери*) . Вы в гостях у меня!

Все (*за исключением Дженнаро, который смотрит на все происходящее из угла зала, где донна Лукреция его не замечает*) . Лукреция Борджа!

Донна Лукреция. Несколько дней тому назад вы все произносили это имя с торжеством злорадства. Сейчас вы произносите его с ужасом. Да, да, глядите на меня глазами, остановившимися от страха. Это я, я, синьоры. Я пришла сообщить вам новость, сказать, что все вы, синьоры, отравлены и что каждому из вас осталось жить не больше часу. Не шевелитесь. В зале рядом – солдаты, вооруженные копьями. Теперь моя очередь, моя – возвысить голос и раздавить вам голову каблуком. Джеппо Ливеретто, отправляйся к своему дяде Вителли, которого я приказала заколоть в подземельях Ватикана! Асканию Петруччи, спеш к своему двоюродному брату Пандольфо, которого я убила, чтобы похитить его город! Олоферно Вителлоццо, тебя ждет твой дядя – знаешь, Яго д'Аппиани, которого я отравила на пиру! Мафффио Орсини, поговори-ка на том свете обо мне с братом твоим де Гравина, которого я велела задушить, пока он спал! Апостола Газелла, я, говоришь ты, обезглавила твоего отца Франческо Газелла, зарезала твоего кузена Альфонсо Арагонского? – так отправляйся к ним! Вы задали мне бал в Венеции, я плачу вам ужином в Ферраре. Праздник за праздник, синьоры!

Джеппо. Какое пробуждение, Мафффио!

Мафффио. Подумаем о боге.

Донна Лукреция. А, юные мои знакомцы с венецианского карнавала, вы этого не ждали? Ей-богу, мне кажется, что я отомстила за себя. Что скажете, синьоры? Кто здесь знает толк в делах мести? Для женщины как будто недурно, – а, как находите? (*Монахам*) Отцы мои, уведите этих господ в соседний зал, где все приготовлено, исповедуйте их и воспользуйтесь немногими оставшимися минутами, чтобы спасти то, что в каждом из них еще может быть спасено. Синьоры, пусть те из вас, у кого есть души, не пренебрегают этим. Души ваши будут в хороших руках. Эти достойные отцы – монахи капеллы святого Сикста,³⁷ и наш святой отец позволил им помогать мне в случаях, подобных нынешнему. И если я позаботилась о ваших душах, то позаботилась и о ваших телах. Вот, глядите. (*Монахам, стоящим у двери*) Посторонитесь немного, отцы мои, – пусть эти синьоры посмотрят.

Монахи расступаются; за дверью видны пять поставленных в ряд гробов, обитых

³⁶ Раздробит он на земле головы многих (лат.).

³⁷ ...монахи капеллы святого Сикста – то есть папской капеллы. Сикстинская капелла была построена в 1473 г. и расписана величайшими художниками итальянского Возрождения.

черным сукном.

Счетом ровно пять – столько, сколько вас. Ах, молодые люди, вы раздираете душу несчастной женщине и думаете, что она вам не отомстит! Вот, Джеппо, твой гроб; вот, Маффио, твой; Олоферно, Апостоло, Асканио, вот ваши гробы!

Дженнаро (*которого она до сих пор не видела, делает шаг вперед*) . Нужен, синьора, шестой гроб!

Донна Лукреция. О небо! Дженнаро!

Дженнаро. Он самый.

Донна Лукреция. Пусть все выйдут. Оставьте нас. – Губетта, что бы здесь ни произошло, что бы ты ни услышал, – пусть никто не входит сюда!

Губетта. Слушаю.

Монахи медленно и торжественно уходят, уводя с собой Маффио, Джеппо, Асканио, Апостоло, Олоферно; молодые люди в полном смятении и шатаются.

Явление третье

Дженнаро, донна Лукреция.

Зал освещают лишь несколько догорающих светильников. Двери снова заперты. Донна Лукреция и Дженнаро, оставшись одни, несколько мгновений смотрят в молчании друг на друга, словно не зная, с чего начать.

Донна Лукреция (*про себя*) . Это Дженнаро!

Монахи (*за сценой*) . Nisi Dominus aedificaverit domum, in vanum laborant qui aedificant eam.³⁸

Донна Лукреция. Опять вы, Дженнаро! Всегда вы, какой бы удар я ни наносила! Боже правый! Как вы оказались тут?

Дженнаро. Я обо всем подозревал.

Донна Лукреция. Вы еще раз отравлены. Вы умрете!

Дженнаро. Да, если захочу. – У меня есть противоядие.

Донна Лукреция. Ах, да! Слава богу!

Дженнаро. Одно слово, синьора. Вы сведущи в таких вещах. Достаточно ли в склянке жидкости, чтобы спасти этих дворян, которых ваши монахи повели в склеп?

Донна Лукреция (*смотрит на склянку*) . Тут едва хватит для вас одного, Дженнаро.

Дженнаро. Вы не можете достать сейчас же другую склянку?

Донна Лукреция. Я отдала вам все, что у меня было.

Дженнаро. Хорошо.

Донна Лукреция. Что вы делаете, Дженнаро? Поторопитесь. Не шутите такими страшными вещами. Чем скорее выпить противоядие, тем лучше. Пейте же, ради неба! Боже мой! Как вы были неосторожны! Спасайте вашу жизнь! Вы отсюда выйдете через потайную дверь, которую знаю я. Все еще можно поправить. Сейчас ночь. Лошадей подадут немедленно. Утром вы будете уже далеко от Феррары. Ведь правда – ужасные творятся в ней дела? Пейте же – и в дорогу. Вам надо жить! Вас надо спасти!

Дженнаро (*берет со стола нож*) . Речь о том, что вам придется умереть, синьора!

Донна Лукреция. Как! Что вы сказали?

Дженнаро. Я говорю, что вы предательски отравили пятерых благородных юношей, моих друзей, – да, клянусь небом, лучших моих друзей, и в их числе Маффио Орсини, моего брата по оружию, который спас мне жизнь в Виченце и чьи обиды – мои обиды, чья месть – моя месть. Я говорю, что вы совершили гнусное дело, что я должен отомстить за Маффио и за остальных и что вы умрете!

³⁸ Если не господь воздвигнет дом, тщетно трудятся те, кто воздвигает его (лат).

Донна Лукреция. О благое небо!

Дженнаро. Молитесь, синьора, и покороче. Я отравлен. Мне ждать нельзя.

Донна Лукреция. Нет, этому не быть! Чтобы Дженнаро меня убил! Да разве это возможно?

Дженнаро. Это чистейшая правда, синьора, и, клянусь, на вашем месте я упал бы на колени и молча бы стал молиться богу. – Вот, можно стать у этого кресла.

Донна Лукреция. Нет, говорю вам, что это невозможно. Нет, какие бы страшные мысли ни приходили мне в голову, такая мысль никогда не являлась мне. – Что это! Что это! Вы на меня подымаете нож? Пойдите, Дженнаро! Мне нужно вам что-то сказать!

Дженнаро. Говорите скорей.

Донна Лукреция. Брось этот нож, несчастный! Говорю тебе, брось! Если бы ты знал... – Дженнаро! Знаешь, кто ты? Знаешь, кто я? Тебе и не ведомо, как я близка тебе! Сказать ли ему все? В наших жилах, Дженнаро, одна и та же кровь! Твоим отцом был Джованни Борджа, герцог Гандиа!

Дженнаро. Ваш брат! Так вы сестра моего отца? Ах, синьора!

Донна Лукреция (*в сторону*). Сестра его отца!

Дженнаро. Ах, так я ваш племянник? Так это мою мать, бедную герцогиню Гандиа, все эти Борджа сделали такой несчастной? Синьора Лукреция, моя мать в своих письмах говорит мне о вас. Вы из тех бесчеловечных родственников, о которых она с ужасом пишет мне: они убили моего отца, а ее жизнь наполнили слезами и кровью. Так, значит, теперь я должен отомстить вам и за отца! Должен спасти от вас мою мать! Вы мне тетка! Вы мне тетка! Я из рода Борджа! О, я с ума схожу! – Слушайте, Лукреция Борджа, вы немало прожили и за вами столько злодеяний, что вы, наверно, стали ненавистны и отвратительны себе самой. Вы, без сомнения, устали жить – не правда ли? Ну так надо кончать. В таких семействах, как наше, где преступления творятся из рода в род, переходят, вместе с именем, от отца к сыну, роковой круг замыкается убийством, по большей части – убийством семейным, последним преступлением, которое смыкает все предыдущие. Человека благородного никогда не осудят за то, что он отрубил дурную ветвь от семейного древа. Испанец Мударра убил дядю своего Родриго де Лару,³⁹ который сделал меньше зла, чем вы. И этот испанец заслужил всеобщую хвалу за то, что убил своего дядю, – слышите ли, тетушка! Ну, довольно об этом говорить! Поручите душу вашу богу, если вы верите в бога и в бессмертие вашей души!

Донна Лукреция. Дженнаро, пожалей хоть себя! Ты еще невинен! Не совершай этого преступления!

Дженнаро. Преступления! О, мысли мои путаются и мешаются! Разве я совершу преступление? Но пусть это и будет преступление – ведь на то я и сам Борджа, клянусь дьяволом! На колени, тетушка, на колени!

Донна Лукреция. Неужели ты и думаешь то, что говоришь, Дженнаро? Так ты платишь мне за любовь?

Дженнаро. Любовь!..

Донна Лукреция. Это невозможно. Я хочу тебя спасти от тебя самого. Я позову. Я буду кричать.

Дженнаро. Вы не откроете эту дверь. Вы не сделаете и шагу. А ваши крики вас не могут спасти. Ведь сами вы только что распорядились никого сюда не пускать, что бы тут ни случилось, что бы ни пришлось услышать там, снаружи.

Донна Лукреция. Но то, что вы делаете, Дженнаро, – это же низко! Убить женщину, беззащитную женщину! О, в душе у вас больше благородства! Послушай, если хочешь, убей меня после; я жизнью не дорожу, но грудь моя разрывается от тоски – так ты жесток был со

³⁹ *Испанец Мударра убил дядю своего Родриго де Лару* – По средневековому народному сказанию, семеро братьев, благородных юношей из кастильского рода Лара, были предательски завлечены своим дядей в засаду и убиты маврами. Позже сводный брат погибших Мударра отомстил за них предателю. Это предание о «Семи инфантах Лары» составило сюжет эпической поэмы и многих романсов.

мною все время. Ты молод, дитя, а молодость всегда слишком строга. О, если мне надо умереть, я не хочу умереть от твоей руки. Пойми, это невозможно, чтобы я умерла от твоей руки. Ты и сам не знаешь, как это было бы ужасно. Да к тому же, Дженнаро, час мой не настал еще. Правда, я совершила много злых деяний, я великая преступница, но потому, что я великая преступница, надо мне дать время раскаяться и исповедаться. Это необходимо, Дженнаро, слышишь?

Дженнаро. Вы моя тетка. Вы сестра моего отца. Что вы сделали с моей матерью, синьора Лукреция Борджа?

Донна Лукреция. Постой, постой! Ах, боже мой, я не могу всего сказать. Да если бы я и сказала все, твой ужас, твоё отвращение ко мне возросли бы вдвое! Послушай меня еще минуту. О, если бы ты дал мне покаяться у твоих ног! Ведь ты пощадишь меня, правда? Что же, хочешь, я пойду в монахини? Хочешь, я затворюсь в монастыре? Скажи! Слушай, если бы тебе сказали: «Эта несчастная срезала себе волосы, она спит на золе, она собственными руками роет себе могилу, она день и ночь молится богу, и не за себя, хотя она очень в этом нуждается, – а за тебя, которому это вовсе не надобно, и все это она делает только для того, чтобы ты когда-нибудь взглянул на нее с жалостью, чтобы ты уронил слезу на живые раны ее сердца и души, чтобы ты ей больше не говорил, как сейчас, голосом более грозным, чем труба страшного суда: „Вы Лукреция Борджа!“... Если бы тебе все это рассказали, неужели у тебя хватило бы твердости оттолкнуть ее? О, пощади! Не убивай меня, мой Дженнаро! Будем жить оба, ты – чтобы простить меня до конца, я – чтобы до конца раскаяться! Пожалей меня хоть немного! Зачем такая беспощадность к несчастной женщине, которой нужно только немного жалости! – Немного жалости! Пощади мою жизнь! И знаешь ли, мой Дженнаро, – я говорю это ради тебя, – то, что ты хочешь сделать, было бы низко, то было бы отвратительное злодеяние, убийство! Мужчине – убить женщину! Мужчине, который сильнее, чем она! О нет, ты не сделаешь этого, не сделаешь!

Дженнаро *(потрясенный)* . Синьора...

Донна Лукреция. О! Я вижу, ты пощадишь меня! Я прочла это в твоих глазах. О, дай мне поплакать у твоих ног!

Голос за сценой. Дженнаро!

Дженнаро. Кто зовет меня?

Голос. Брат мой Дженнаро!

Дженнаро. Это Маффио!

Голос. Дженнаро! Я умираю! Отомсти за меня.

Дженнаро *(снова заносит нож)* . Довольно. Я больше ничего не слушаю. Поймите, синьора, вам придется умереть!

Донна Лукреция *(отбиваясь и хватая его за руку)* . Пощади! Пощади! Лишь одно еще слово!

Дженнаро. Нет!

Донна Лукреция. Прости меня! Выслушай меня!

Дженнаро. Нет!

Донна Лукреция. Ради самого неба!

Дженнаро. Нет! *(Наносит ей удар.)*

Донна Лукреция. А!.. Ты убил меня! Дженнаро, я твоя мать!